

Федор Глинка

**Очерки Бородинского
сражения**

Содержание

#1	0004
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БОРОДИНО	0005
ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВСТУПЛЕНИЕ К ОПИСАНИЮ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ	0082

Федор Николаевич Глинка
Очерки Бородинского
сражения

(Воспоминания о 1812 годе)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БОРОДИНО

Смоленск сторел, Смоленск уступлен неприятелю. Русские сразились еще на Волутиной горе и потом отступали, как парфы, поражая своих преследователей. Это отступление в течение 17 дней сопровождалось беспрерывными боями. Не было ни одного, хотя немного выгодного места, переправы, оврага, леса, которого не ознаменовали боем. Часто такие бои, завязываясь нечаянно, продолжались по целым часам. И между тем как войско дралось, народ перекочевывал все далее в глубь России. Россия сжималась, сосредоточивалась, дралась и горела. Грустно было смотреть на наши дни, окуренные дымом, на наши ночи, окрашенные заревом пожаров. С каждым днем и для самых отдаленных мест от полей битв более и более ощутительно становилось присутствие чего-то чуждого, чего-то постороннего, не нашего. И по мере, как этот чуждый неприязненный быт в виде страшной занозы вдвигался в здоровое тело

России, части, до того спокойные, воспалились, вывихнутые члены болели и все становилось не на своем месте. Чем далее вторгались силы неприятельские, тем сообщения внутренние делались длиннее, города разъединенные; ибо надлежало производить огромные объезды, чтобы не попасть в руки неприятелю: от этого торговля теряла свое общее направление, промышленность становилась местною, стесненною, ход ежедневных занятий и дела гражданской жизни цепене-ли. Во многих присутственных местах закрыты были двери. Одни только церкви во все часы дня и ночи стояли отворены и полны народом, который молился, плакал и вооружался. Около этого времени сделалось известным ответное письмо митрополита Платона императору Александру. Копии с него долго ходили по рукам. Любопытно заметить, что первосвященник наш, проникнутый, без сомнения, вдохновением свыше, почти предрек судьбу Наполеона и полчищ его еще прежде перехода неприятельского за Днепр. Он писал: «Покусится враг простереть оружие свое за Днепр, и этот фараон погрозится здесь с полчи-

цем своим, яко в Чермном море. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести третью новую реку: реку крови человеческой!» И в самом деле, кровь и пожары дымились на длинном пути вторжения. Французы, в полном смысле, шли по пеплу наших сел, которых жители исчезали пред ними, как тени ночные. Обозы, длинные, пестрые, напоминавшие восточные караваны, избирали для себя пути, параллельные большой столбовой дороге, и тянулись часто в виду обеих армий. Дорогобуж, Вязьма и Гжать уступлены без боя. Если огни в полях, курение дыма и шум от шествия ратей недостаточны были навеять на людей той години важные и таинственные мысли о временах апокалипсических, то всеобщее переставление лиц и вещей, переставление гражданского мира, должно было непременно к тому способствовать. Неаполь, Италия и Польша очутились среди России! Люди, которых колыбель освещалась заревом Везувия, которые читали великую судьбу Рима на древних его развалинах, и, наконец, более сродственные нам люди с берегов Вислы, Варты и Немана шли, тянулись по нашей

столбовой дороге в Москву, ночевали в наших русских избах, грелись нашими объемистыми русскими печами, из которых так искусно и проворно умели делать камины для Наполеона, превращая избу, часто курную, в кабинет императорский, наскоро прибранный. И в этом кабинете, у этого скородельного камина (особливо в эпоху возвратного пути из Москвы) сиживал он, предводитель народов, с видом спокойным, но с челом поникшим, упершись концами ног в испод камина, в шубе, покрытой зеленым бархатом, подбитой сободем. Так сиживал он перед красным огнем из березовых и смольчатых русских дров, этот незванный гость, скрестя руки на грудь, без дела, но не без дум! Стальные роци штыков выростали около места его постоя, рати облегали бивак императорский, и рати мыслей громоздились в голове его! Было время, когда князь Экмюльский помещался в селе Покровском: какое стечение имен Экмюля с Покровским!? Всеобщее перемещение мест, сближение отдаленностей не показывало ли какого-то смещения языков, какого-то особенного времени.

Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим бороды наших отцов! пора драться!» Узнав о счастливом соединении всех корпусов, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь с разделенными пальцами, «прежде мы были так! (т. е. корпуса в армии, как пальцы на руке, были разделены) теперь мы». — говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь в кулак, «вот так! так пора же (замахиваясь дюжим кулаком), так пора же дать французу раза: вот этак!» Это сравнение разных эпох нашей армии с распростертою рукою и свернутым кулаком было очень по-русски, по крайней мере очень по-солдатски и весьма у места.

Мудрая воздержность Барклая-де-Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступательная была, собственно, война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос, мужественный, громкий, встретился с другим, еще более громким, более возвышенным, с голосом России. Народ видел наши войска, стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, го-

тогового всем жертвовать за целость, за честь своей империи, видел все это и втайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то, недоставало полководца русского. Зато переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание главноначальствующего армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торгова, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армий молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников; а народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных порывов, прибегал к старому, радушному обычаю — отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы

(ибо это была пора косы и серпа), сторожили так же под дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и в избытке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы рассказывали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем как старцы кланялись седыми головами в землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного воеводы! С такою огромною в него верою, окруженный славою прежних походов, прибыл Кутузов к армии. После этого несколько не удивительно, что начетчики церковных книг и грамотей, особливо в низшем слое народа, делали различные применения к обстоятельствам того времени, переводили буквы имени Наполеона в цифры и выводили заключения, утешительные для России. Иногда следствием их выкладок, довольно затейливых, бывали слова: «Солнце познает запад свой!» Это относили к народам нашествия и Наполеону; иногда делали толкования на слова: «В те дни восстанет князь Михаил и ополчится за людей своих! (на Гога и Магога) и

проч.» Можете вообразить, какую народность, какую огромную нравственную силу давало все это в то время новому главнокомандующему! Зато, как приехал (под Царев-Займище), тотчас обещал он сражение. Все ожило и жило этим великим обетом; и, наконец, 22 августа занята знаменитая позиция Бородинская. Мы опишем ее.

Наша боевая линия стала на правом берегу Колочи, лицом к Колоцкому монастырю, к стороне Смоленска; правым крылом к Москве-реке, которая в виде ленты извивается у подножия высот бородинских. Перед лицевой стороною (перед фронтом) линии, особенно перед фронтом центра и правым крылом, бежала речка Колоча в реку Москву, составляя с нею угол в полуверсте от высот бородинских. В Колочу впадают: речка Войня, ручьи Стонец, Огник и другие безыменные. Все эти речки и ручьи имеют берега довольно высокие, и если прибавить к тому много рывин, оврагов, по большей части лесистых, и разных весенних обрывов, промоин, то понятно будет, отчего позиция бородинская на подробном плане ее кажется бугристою, раз-

резанною, изрытою. Леса обложили края, частые кустарники и перелески шершавятся по всему лицевому протяжению, и две больших (старая и новая Московские) дороги перерезают позицию, как два обруча, по направлению от Смоленска к Москве. Дорога Смоленская была так же дорога во Францию, по которой пришла к нам вооруженная Европа, как будто сдвинувшись с вековых оснований своих.

Сказав, что высоты правого русского фланга были лесистые, мы добавим, что они были и утесистые, а потому и составляли оборону прочную. Левое крыло наше также довольно щедро защищено природою, если принять в этом смысле общее протяжение высот бординских, на которых простиралось оно, впоследствии загнутое до деревни Семеновской. Впереди этого (левого) крыла тянулись и перепутывались глубокие рвы и овраги, опущенные и закрытые частыми кустарниками. Сверх того позиция русская, как мы сказали, прикрыта была: Колочею, Войнею, Огником и ручьями Стонцем и Семеновским.

Искусство поспешило придать то, чего недодала природа для защиты линии. Густой

лес на правом фланге, сходящийся с вершин до подножия холмов к стороне реки Москвы, был осмотрен, занят, перегорожен засеками и по местам вооружен укреплениями. В этом лесу сделаны три флеша. На лесистое и утесистое местоположение правого фланга можно было опереться надежно. В центре отличался высокий кругляк, может быть, древний насыпной курган. Через него перегибается большая Смоленская (в Москву) дорога. Это округленное возвышение носит название Горки и находится в деревне того же имени. На этом кругляке устроили батарею из пушек огромного калибра и заслонили ее еще другою, более скрытою, из 12 пушек, которую поставили в 200 саженях насупротив Бородина, на расклоне высот правого берега Колочи. Идя с правого крыла к левому, вдоль по линии, в середине расстояния от Горок к Семеновскому, вы встретите высокий бугор, далеко повелевающий окрестностями. Этот бугор пришелся на самой важной точке, почти у замка левого крыла с центром. Этим воспользовались, и высота, господствовавшая над другими, увенчана большим окопом с бастио-

нами. Иные называли его большим редутом, другие, и, кажется, правильнее, люнетом. Но солдаты между собою называли это укрепление Раевскою батареею, потому, что корпус его был пристроен к этому люнету и потому, что они любили храброго генерала, о котором так много было рассказов в то время! Из уст в уста переходила повесть о подвиге его под Дашковкою, как он, взяв двух, еще невзрослых сыновей за руки, повел их знакомить с пулями — туда, где всех троих с головы до ног окатило свинцовым дождем!

По всему видно стало, что неприятель направит сильнейшие нападения свои на наше левое крыло: для того-то и обратили все внимание на эту часть линии.

У деревни Семеновской нашлась также выгодная высота; на расклоне ее построили три реданта: их называли и флешами. Эти окопы должны были обстреливать окрестное пространство и поддерживать войска, которые, в свою очередь, поддерживали стрелков, насыпанных в лесах и перелесках перед фронтом и левым крылом нашей линии. Деревня Семеновская впоследствии разорена.

Так устроена, вооружена была наша боевая линия в трех основных пунктах своих. Но кипящая отвага, с которою французы привыкли кидаться вперед в их порывистых наступлах, требовала еще большей предусмотрительности, большей осторожности. Чтоб удержать неприятеля в почтительном расстоянии от нашего левого крыла, куда он нацеливал все удары, насыпали большой редут на большом и высоком холме, почти на два пушечных выстрела впереди главной линии к левой ее оконечности. Этот редут, стоявший исполном на отводной страже, устроен был саженях во ста за деревнею Шевардино и назывался Шевардинским. Если пожелаете объяснить себе сделанное здесь описание взглядом на плане, то прежде всего отметьте карандашом село Бородино, принадлежавшее тогда гг. Давыдовым, в 10 верстах от Колоцкого монастыря, на 11-й не доходя Можайска, в 111-ти от Москвы. Теперь имеет оно счастье принадлежать порфирородному владельцу — государю цесаревичу. За Бородиным, правее от кургана Горецкого, приищите и подчеркните на большой Московской дороге селение Татариново:

там была главная квартира Кутузова. Заметьте там же деревню Князьково. Окружив потом внимательным взглядом наше правое крыло, вы встретите Старое, Малое, Беззубово, Логиново, Новое, Захарьино и, наконец, в лесу, где были окопы, Маслово. Заметьте пока эти селения и перенеситесь по линии к левому нашему крылу. Здесь встретите вы (после Бородина) другую, также роковую точку, деревню Семеновскую. За нею, ближе к Татаринovu, заметите Псаревu с прилежащим к нему лесом. Там стоял наш главный артиллерийский резерв. Насупротив Семеновского приметьте деревни: Алексеевку, Фомкино, Доронино и, наконец, Шевардино, знаменитое битвою за редут его имени. Левее от этой купы деревень найдете вы Валуево: тут стоял Наполеон. Деревни Ратово и Головино принадлежат к той же категории. Потом перенеситесь к Ельне, следуйте по лесной дороге и в одном месте чрез болото к деревне Утице: это путь Понятовского, остановившегося сперва при деревне Рыкачеве и оттуда следовавшего по так называемой старой Смоленской дороге, которая из Царева-Займища идет чрез Ель-

ню в Можайск. За Можайском связываются обе дороги: старая и новая Смоленская. Туда намеревался Кутузов перевести войско, если б французы стали решительно обходить наше левое крыло. Наполеон угадывал это и хотел разбить нас там, где застал. Поэтому-то не послушался он и Даву, советовавшего послать заранее два корпуса в обход по старой Смоленской дороге. Отметки деревень, на которые я вам указал, будут вам полезны при чтении описания битвы Бородинской в составленных мною очерках.

КАРТИНА ПОЗИЦИИ

Описав позицию нашу в историческом смысле, взглянем на нее, как на картину, издали почти неподвижную, грозно воинственную, вблизи живую, движущуюся. Взглянем, разумеется, более мысленными глазами, ибо обыкновенное зрение, даже вооруженное трубою, не может объять всей позиции; взглянем на этот город, мгновенно возникший на месте жатв и селений: его дома, шалаши из ветвей и соломы; его длинные улицы протянуты между длинными стальными заборами из ружей и штыков; его площади уставлены мол-

чаливо-грозною артиллерию. Ночью он весь, кажется, слит из стали и огней, потому что огни биваков, повсеместно разведенные, отражаются на стволах ружей, на гранях и лезвиях штыков.

Поставьте себя на одной из высот, не входя в Бородино, где-нибудь на большой Смоленской дороге, лицом к Москве, и посмотрите, что делается за Бородиным, за Колочою, за Войнею, за этими ручьями с именем и без имени, за этими оврагами, крутизнами и ямищами. Примечаете ли вы, что поле Бородинское, теперь поле достопамятное, силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание? О каком-то великом событии сохранило оно память в именах урочищ своих. Войня, Колоча, Огник, Стонец, не ясно ли говорят вам, что и прежде здесь люди воевали, колотились, палили и стонали? Но когда ж было это прежде — сколько столетий наслоилось над этим событием? Может быть (и вероятно), что оно современно той отдаленной эпохе, когда курганы Горецкий, Шевардинский и другие, встречаемые в каком-то симметрическом порядке в этих Окрестно-

стях, были холмами священными, на которых совершались тризны. Народы, утомленные видом зачахшей гражданственности... ведомые тайным влечением судьбы, покорно следовали за путеводною звездой и текли с дальнего Востока, колыбели рода человеческого, с семенами жизни на девственную почву нашего севера, тогда еще пустынного, задернутого завесою неизвестности. На путях их великого шествия остались городища и курганы, на которых возжигали огни и сожигали жертвы. Но когда ж все это было? Человек моложе истории, история моложе событий этого разряда!

Обратимся к нашей позиции. Прежде всего встретите вы большой, высокий кругляк, называемый Горкою. С этого кругляка, кургана Горецкого, одного из роковых холмов бординских, вся позиция видна как на ладони! Наша линия шла справа от села Нового за деревню Семеновское. Позиция неприятельская тянулась от села Беззубова за Шевардино. На этом кургане, о котором мы начали говорить, вы видите, мелькает деревенька Горки, удостоившаяся даже на несколько часов быть

главную квартирую армии и самого Кутузова. Но вы скоро ее не увидите: война все сносит и перемещает. Вот уже взвозят на курган артиллерию: это не так легко, потому что здесь стараются сосредоточить орудия огромного калибра. По мере, как военный быт покрывает своими принадлежностями высоту Горки, солдаты, вы видите, раскрывают крестьянские лачуги и растаскивают бревна. Это точно работа муравьев! Толпа разномундирных кишит, шевелится, торопится; всякий унес, что попало, и деревни не стало! Все пошло в огонь на биваки.

Я забыл сказать, что вы приглашены посмотреть на нашу бородинскую позицию 23 августа. Но ее заняли 22-го. Точно так! Я расскажу вам об этом дне. 22 августа 1812 года армия русская увидела высоты бородинские, и много голосов раздалось в войске: «Здесь остановимся! Здесь будем драться!» Заключение неошибочное! Оно внушено видом высот и течением речек, ручьев и оврагов у подножия цепи возвышенностей. Тогда же промчалась молва в войске, что Кутузов нарочно посылал вперед Бенигсена отыскать крепкое

место, где бы можно было стать и отстоять Москву. Бенигсен, как говорили, избрал Бородино, и Кутузов остался доволен его выбором. Около 10 часов утра (22 августа) передовые полки и на челе их[1] Михаило Ларионович с своим штабом прошли Бородино, приостановились на минуту в деревеньке Горки, и главный штаб пошел далее. На большой Московской дороге есть сельцо Татариново. Там стоял уже пустырем сельский господский дом: там поместили Кутузова; Барклай, Бенигсен, принц Виртембергский и другие генералы, люди, имевшие поместья и палаты, разместились в окружных деревеньках и домах, кто как смог, кому где случилось.

Генерал Бенигсен и полковник Толь, большой знаток своего дела, тотчас пустились помогать природе искусством, укреплять позицию. По доверенности, которою пользовался от высшего начальства и по внутреннему своему достоинству, полковник Толь был далеко выше своего чина. В то время, о котором мы говорим, он пользовался двумя славами: славою храброго офицера и ученого военного человека.

23-го, на другой день, пришло из Москвы 12 000 московского ополчения. Их привел граф Марков. На этом войске было две коренных принадлежности Руси: борода и серый кафтан; третья и важнейшая принадлежность Руси христианской был крест. Он блистал на шапке ратников. С офицерами пришли русские кибитки, повозки и роспуски с колокольчиками, заводские лошади, крепостные слуги. В другое время можно бы подумать, что это помещики, съехавшиеся дружною толпою, с конюхами и доезжачими, в отъезжее поле на дальнее полеванье. Но тут предстояло другого рода поле! Отпустив далее в глубь России жен и детей, сестер и невест, дворянство русское, покинув дедовские поместья и собрав своих домочадцев, село на коней и выехало в поле, которое должно было сделаться полем крови, жатвою смерти!..

Любовь к отечеству вызвала мирных поселян на священное ратование. Нельзя было смотреть без чувства на такой избыток доброй воли. Появление этих войск перенесло нас далеко в старые годы. Один офицер, которого записки остались ненапечатанными, го-

ворит: «Казалось, что царь Алексей Михайлович прислал нам в секурс свое войско!» В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане русских был наш Кернер, В. А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля? Но обратимся к обозрению нашей позиции. Помните, что мы смотрим на нее 23-го августа 1812 года.

ВИД ПОЗИЦИИ (23 АВГУСТА)

Видите ли вы правый фланг нашей армии? Как он высоко поднят над долиною! Цепь холмов служит ему основанием. Частый лес в виде зеленого ковра накинута на эти холмы и свешивается вниз до самого их подножия, где серебрится Москва. Этот лес, перепо-

роженный засеками, таит в себе укрепления. Высок и крут наш правый берег, и везде, до деревушки Горки, повелевает противным, принизистым. Фронт наш прикрыт (если можно это счесть за прикрытие) речкою Колочою. Но мы, по какому-то предчувствию, любопытствуем обзреть скорее левое крыло. Видите ли вы эту массу дерев, которые огромным зеленым султаном колышатся за нашим левым флангом? Это густой лес, торчащий на рассеянных холмах и спускающийся в низину. Под тенью этого леса виднеются, в правильных линиях, еще свежие насыпи: это вырастающие ретраншементы!

В середине нашей боевой линии заметны и важны два пункта: Горки и деревня Семеновская. Между ними тянется отлогая высота с легким скатом к речке Колоче. Видите ли, как начинают рисоваться бастионы на гребне этой высоты? Это большой люнет (батарея Раевского), оспариваемый с такою славою. Вот и еще окопы! За ручьем, перед деревнею Семеновскою, уже выросли из земли укрепления, наскоро сработанные: это три реданта (или флешы). Защита их поручена графу Воронцо-

ву с его сводными гренадерами и 27-й дивизией. Знатоки находят недостатки в этих скороспелых окопах; находят, что они открывают тыл свой французским атакам от ручья и слишком подвержены сосредоточенному огню неприятельской артиллерии с окольных высот. Но стойкая русская храбрость все дополнит, исправит! Следуя глазами за протяжением главной линии к левой стороне, вы упираетесь на левом фланге в болото, покрытое частым лесом. Тут расположена деревня Утица. Через нее, от села Ельни, идет на Можайск старая Смоленская дорога, уже давно оставленная.

После взгляда на позицию, как она была 23-го августа, вам понятнее будет рассказ о событиях этого дня. 23-го августа французы сделали сильное движение вперед, с места своего расположения от почтовой станции Гріднева. Впереди конницы неприятельской, еще многочисленной, грозной, блестящей, на статном крутом коне, рисовался лучший наездник французской армии. По наряду его, живописно-фантастическому, узнавали в нем короля Неаполитанского. Глубокий ров за

станцией Гриднево приостановил его на минуту. За этим рвом стоял сильный арьергард русский. Для совершенной противоположности щегольскому наряду Мюрата, разъезжал за оврагом перед рядами русских, на скромной лошадке, скромный военачальник. На нем была простая серая шинель, довольно истертая, небрежно подпоясанная шарфом, а из-под форменной шляпы виднелся спальный колпак. Его лицо спокойное и лета, давно преступившие за черту средних, показывали человека холодного. Но под этою мнимою холодностью таилось много жизни и теплоты. Много было храбрости под истертой серою шинелью и ума, ума здорового, дельного, распорядительного, под запыленным спальным колпаком. Это был генерал Коновницын, истый представитель тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями. Тут (за Гридневым) завязался сильный бой. С обеих сторон дрались превосходно. Удержанные с фронта, французы пролились рекою влево. Мюрат далеко объехал наш правый фланг и думал торжествовать победу. Уже фантастические одежды

его развевались у нас в тылу; но генерал в колпаке смотрел на это как на шалость запальчивого наездника и не смутился нимало. Наши загнули фланг, немного отступили и выстояли спокойно. Ночь развязала драку. Пользуясь темнотою, Коновницын отвел свои войска к стенам Колоцкого монастыря, а французы засветили огни там же, где были: Наполеон у Гриднева, Мюрат в Лососне.

24 АВГУСТА

Армия готовилась к бою. Главнокомандующий переехал (ближе к линии) в Горки, День был прекрасный, и с десяти часов утра на ясной дали закудрявились легкие облака дыма и слышалась канонада, которая все более и более приближалась. Французы, сделав большое движение вперед, подошли под Колоцкий. Коновницын их встретил. Было уже около 4 часов пополудни. Схватились горячо, боролись ровно. Храбро рубились изюмцы и вконец изрубили три неприятельских эскадрона. Но бой не мог долее продолжаться в этом положении. Дело шло не о простой авангардной ошибке. Тут были виды высшей тактики. Вице-король обходил наш правый

фланг. Король напирал с лица, вице-король вился с фланга, французы то рекою по большой дороге, то отдельными ручьями, просачиваясь между пригорками и частыми перелесками, лились влево за большою дорогою к подножию высот бородинских. Коновницу нельзя было оставаться долее на поле. Он прислонил свои войска к защитам Бородинским и ввел их в линию.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ К БОРОДИНУ

С вершин укрепленных и неукрепленных высот бородинских солдаты как простые зрители (я говорю о правом крыле, где сам находился) и офицеры увидели наконец приближение всей французской армии. Три огромных клуба пыли, пронзенные лучами склонявшегося солнца, светлели в воздухе, три стальных реки текли почти в ровном между собою расстоянии. На полянах пестрели люди; над перелесками, немного превышавшими рост человека, сверкала железная щетина штыков. Русское солнце играло на гранях иноземной стали. Все это шло скоро, но мерно. Три линии изредка и только слегка изла-

мывались, уступая неровностям местоположения. Одна артиллерия, казалось, своевольно разгуливала. Пушки переезжали то вправо, то влево, избирая для себя удобнейшие пути и дороги. Французы подступали к Бородину тремя колоннами. Понятовский, с своими поляками, тянулся вправо по старой Смоленской дороге на Ельню; Наполеон, посредине, прямо на Бородино: за ним следовала большая часть армии; вице-король италийский держал левее от большой дороги, к деревне Большим Садам. Когда все силы неприятельской армии выяснились, заревел редут Шевардинский, ожили овраги и кустарники на правом берегу Колочи и пули засновали свистом в уровень человека, ядра и гранаты стали описывать дуги над головами наступающей армии. Это русское укрепление, это русские стрелки, которыми насыпаны были перелески и деревни Алексинки, Фомкино и Доронино; это они встретили неприятеля, тянувшегося по большой дороге.

С прискорбием видя напрасную потерю людей, Наполеон приказал Мюрату перейти с конницею Колочу и присоединить к себе ди-

визию Кампана из 1 корпуса. Этим войскам предоставлена была участь редута Шевардинского. Дивизия Кампана еще наперед (в 2 часа пополудни) захватила деревню Фомкино и теперь, по первому знаку, живо пошла по направлению к редуту.

Князь Горчаков приготовился встретить напор первого наступя. Он расставил полки 27-й дивизии позади редута, растянув их в линию. Фланги этой линии прикрыты: правый драгунами и конною артиллериею, левый кирасирскою дивизиею в сгущенных полковых колоннах. При этих массах кирасир было немного гусар и несколько орудий конной артиллерии. На самом же Шевардинском редуте поставлены пушки большого калибра для выстрелов дальних. В Доронине, в лесах и кустарниках, наполняющих окрестность до самой дороги в Ельню, сидели стрелки, подкрепляемые легкою конницею. В таком виде были дела с обеих сторон. Но пока начнется знаменитый штурм редута Шевардинского, я опишу одну замечательную сцену.

Перед центром правого крыла большой русской линии, у подножия вооруженных вы-

сот, немного левее (если смотреть от Москвы) от села Бородина разъезжал кто-то на маленькой бодрой лошадке (небольшом гнедом клепере); из-под фуражки его, сплюснутой на голове, выливались пряди белых волос. Шарф повешен по-старинному, чрез плечо, на мундирном сюртуке. Ездок был среднего роста, построение тела имел коренное русское: он был дюж, широк в плечах и в это время довольно дороден, особенно в ногах заметен был какой-то отек. За ним ездили два донца, из которых один возил скамеечку. Прибежав дробною рысью на то место, которое мы указали, генерал (это показывали его эполеты), вероятно, только что окончивший объезд линий, потому что клепер его еще дымился, этот генерал начал сходить с лошади. С каким-то болезненным усилием ступил он сперва на скамеечку, которую проворно подставил ему донец, потом на ней же уселся лицом к Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидел Михаила Ларионовича Кутузова, нашего нового главнокомандующего. Правый глаз его был несколько прищурен. Всмотр-

риваясь внимательнее, вы бы легко заметили, что в нем уже погасла живая точка света. Это следствие раны ужасной, неслыханной, о которой, в свое время, говорили все врачи Европы. Турецкая пуля, ударив близ виска, искосила ось глазную и оставила генерала (одного из прозорливейших полководцев) полуживым... Говоря о нравственных его свойствах, должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи, в одно время, директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление. В кругу своих он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собою говорили: «можно ли быть любезнее его?» Зная это, я часто всматривался в лицо его, отыскивая которая бы из черт этого лица могла оправдывать всеобщую молву

(распущенную великим Суворовым), молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотрим теперь на него, сидящего на поле Бородинском. Он все еще сидел на своей скамеечке с нагайкою в правой руке, то помахивая ею, то концом ее чертя что-то на песке, а между тем дума полная, высокая сияла на лице его. Если б не легкое механическое движение правой руки, его можно бы почесть за изваяние из бронзы: так был он неподвижен, так углублен в свои мысли, лучше сказать, в одну мысль. Бой, начатый передовыми стрелками левого крыла, притих. С минуту продолжалось молчание по всей линии. Вдруг вздохнуло опять на левом крыле, и этот вздох огласил окрестности. Еще... еще... и все зарокотало... Это началась тяжба за редут Шевардинский; адвокаты с обеих сторон говорили свои гремящие речи и менялись доказательствами. Кутузов сделался весь внимание. Я видел, как он протягивал вперед голову и вслушивался, вслушивался, иногда наклоняя левое ухо к земле, как будто желая угадать — подается пальба или отступает. Но вот во всю конскую прыть прискакал адъютант, сказал слово о Баграти-

оне, другое о французах, и Михаило Ларионович, вспрыгнув с места с легкостью молодого человека, закричал: «Лошадь!», сел, почти не опираясь на скамеечку, и, пока подбирал поводья, уже мчался вдоль по линии на левое крыло. Скоро огромный клуб свившегося над окрестностию дыма поглотил главнокомандующего с его великою думою, в которой развивались уже семена предстоящего сражения. Солдаты-зрители, стоявшие группами на ска-те вершин, говорили: «Вот сам Кутузов по-ехал на левое крыло!!»

ВЗЯТИЕ РЕДУТА

Сначала наступавшие и оборонители разменивались только дальними выстрелами. Но в 4 часа за полдень дивизия Кампана, подкрепясь конницею, кинулась на Доронино и в лес, его окружавший. В это же время и Понятовский, как будто заводя крыло невода справа, выказался с своими из деревни Ельни, испугнул рой стрелков наших и погнал их, тесня своим наступом из леса в лес, из перелеска в перелесок, отбрасывая все пешее на русскую конницу, которая на первых порах сильно поддержала товарищей. Полковник

Эмануэль (впоследствии славный генерал) два раза с Киевским драгунским полком налетал на поляков, когда они выказывались из-за кустарников, и Новороссийский полк ходил славно в атаку. Полковник князь Кудашев с кирасирами (синие и желтые воротники) сделал также две блистательных атаки и отбил у французов шесть пушек.

Но все эти великодушные усилия не могли устоять и не устояли против превосходных сил наступающих.

Генерал Кампан стал, наконец, в виду редута, который грозно рисовался в вечернем воздухе. Он выслал 61-й полк с приказанием: взять редут штурмом! Полк двинулся баталионными колоннами под покровительство своей огромной батареи, при жестоком огне передовых стрелков, которые, захватив ближнее возвышение, палили прямо в амбразуры нашего укрепления. Русские с высоты редута увидели сперва вдалеке три черных точки. Эти точки, головы колонн, близились, близились и росли; наконец они стали в прямую линию. Ясно различили три колонны, и первая, удвоя шаг, пошла на редут. Редут за-

молчал; но орудия нацелены, ружья наклонены, и дула уставлены прямо в глаза наступающим.

Французы идут, подходят, всходят и почти сталкиваются с нацеленными в них дулами. Вспыхнул залп, блеснул ряд молний, не стало передних... задние взошли на редут.

Но не успел еще рассеяться дым, как русские явились на новый спор. Штык и отвага показали чудеса, но превосходство взяло верх. Редут оставался за французами.

Уже было 8 часов вечера. Полуосенние сумерки сизели на поле, по низинам закурились белые туманы, и красные вспышки огнестрельных орудий сверкали в полусумраке, как огни потешные. В это время князь Багратион, схватя вторую гренадерскую дивизию, выехал сам на бой и велел отнять редут. Две неприятельские колонны хотели обойти гренадер, но жестоко смяты Малороссийскими и Глуховскими кирасирами, которые отняли у них пушки. С другой стороны Харьковские и Черниговские драгуны также изрубили две атакующие колонны. При этих удачах гренадеры вбежали на редут и искололи целый ба-

гальон 61-го полка. Но Кутузов, зная, что надобно делать, велел покинуть редут неприятеля. Тогда было уже 10 часов вечера.

25 АВГУСТА

Армия французская, до сих пор подвижная, переходная, начала устанавливаться на прочную стоянку. По всему, и по самому расположению войск, можно было предчувствовать, предугадать, а наконец решительно заключить, что главное нападение произведено будет правым французским на левое крыло наше. И вот как установилась французская армия: а) король Неаполитанский с своими четырьмя корпусами (масса ужасная!) кавалерии стал в перелеске по правую сторону (глядя к Москве) оставленного (т. е. Шевардинского) редута. б) Дивизии Кампана, Десекса и Фрияна из корпуса Давуста, расположенные при деревнях: Фомкино, Алексинке и Доронине, на том самом поле, где дрались накануне. с) Дивизии Жерара и Морана, из Давустова же корпуса, остались на левом берегу Колочи перед деревнею Валуево. d) Вице-король Итальянский (образовавший с своими левый фланг французской армии) с италиянскою гварди-

ей) и дивизиями Дельзона и Бруссье да с кавалериею генерала Гиона установился слева от большой дороги, лицом к лицу с селом Бородиным, имея свою кавалерию за ручьем Войнею.

Третья часть войск французских (corps de bataille)[2] расположилась так: а) Императорская гвардия зажгла биваки между Валуевым и Ратовым. б) Позади этой гвардии, на большой Смоленской, или Московской, дороге, к стороне деревни Головино, расположились корпуса Нея и Жюно. в) Князь Понятовский с своим корпусом стал за большим лесом, на правом берегу Колочи, перед деревнею Рогачево. Наполеон почтил личным квартированием своим Валуево. Целый день слегка перестреливались за воду и водопои.

ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ВПРАВО НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОГО СРА- ЖЕНИЯ

Накануне, т. е. к вечеру 25-го, на всей французской линии последовала общая перестановка войск: полки передернуты как на шнурах. С колокольни села Бородина ясно можно было видеть, как линия французская по ме-

стам то сгущалась, то разреживалась, и все густоты сливались вправо, к старой Смоленской дороге. Зрелище единственное! Поля, с которых не успели еще снять посева, облиты были слегка волновавшимся золотым морем жатвы и окрашены косвенными лучами понижавшегося солнца. Это золотое море прорезывалось стальной рекою штыков и ружей, которые зеркально сверкали на вечернем солнце. За ростом и густотою жатв людей почти не видно было. Двигалось одно железо.

Король Неаполитанский остался там же, где и был, с своими тремя корпусами. Князь Понятовский, предназначенный к обходу своего русского крыла, стал за Мюратом.

Маршал Даву, долженствовавший бить по окончности нашего левого крыла, поставил дивизии Кампана, Десекса и Фрияна между Шевардиным и лесом, который, тянется до самой Утицы.

Маршалу Нею предоставлено было пробивать русскую линию в промежутки между левым крылом и центром. У Нея для этого был корпус свой и Жюно. Ней построился между Шевардиным и Алексинским, вытянув 3-й

корпус в первой, а 8-й во второй линии.

Вице-король Италианский с своими образовал левое французское и должен был бить правое крыло наше. При нем были корпуса: его собственный, кавалерийский Груши и дивизии Жерара и Морана из 1-го корпуса. Они назначены противустоять (contenir) центру к правому крылу русскому и составлять левое крыло армии французской. Все эти силы расположились было на левом берегу Колочи.

Русские боялись за свое, а французы за свое левое крыло. И те и другие прикрылись окопами. По расчетам тактики и от напоров правого французского крыла, левое русское несколько загнулось и тем усилилось. Дивизия Морана, а за нею Жерара расположились на большой дороге. Груши стал сзади. Левее и самой дивизии Жерара поставлена дивизия Бруссье, за нею италианская гвардия в резерве.

Но было войско еще левее — это дивизия генерала Дельзона: она составляла последнее перо левого французского крыла. Ее подкрепляла дивизия легкой кавалерии Орнано.

Гвардия Наполеонова тоже перешла Коло-

чу и стала правее Фомкина.

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Усиление правого французского крыла заставило усилить левое русское, которое легко могло быть обойдено по старой Смоленской дороге. Кутузов распорядился: на левом крыле у нас поставлен стойкий Тучков с его отдельным корпусом и 7000 Московского (приведенного Марковым) ополчения. Туда же наряжен Карпов с шестью полками донцов.

Тучков построил свой корпус за деревнею Утицею в четыре линии. Дивизия Коновницына стояла в двух первых; дивизия гренадерская (графа Строганова) в двух задних.

Сильная цепь из 20-го, 21-го, 11-го и 41-го егерских полков, протянутая по перелескам, запирала ворота (промежуток шириною с версту) между корпусом Тучкова и левым концом главной позиции.

На этом левом конце была деревня Семеновское. Перед нею, как мы видели, насыпаны реданты. Этот пункт защищали сводные гренадеры графа Воронцова, и за ними, во 2-й линии, стояла дивизия храброго Неверовского.

Тут были четыре стены. Гренадеры принца Карла Мекленбургского поставлены в две линии от края Семеновского до самой большой батареи. Этим гренадер поддерживала кавалерия в две линии. Потом корпус графа Сиверса.

И вся эта левая половина, состоя из второй западной армии, была под главным начальством Багратиона.

Центр наш составлен из корпуса генерала Дохтурова. Он стоял против самого Бородина, примыкая своим левым к правому флангу 7-го корпуса, а правым к батарее близ Горецкого кургана, и Дохтуров стоял в две линии пехотных, которые поддерживались двумя же кавалерии (3-го кавалерийского корпуса) и составляли тоже четыре живые стены!

К правой руке Дохтурова (смотря к Смоленску) примыкал левым локтем корпус Остермана опять в две линии и лицом к Колочи. За ним, все в две линии, кавалерия Корфа; корпус Багговута составлял оконечность правого крыла русского. Этим крылом начальствовал Милорадович, а первую половиною всей линии (1-ю армию) Барклай.

1-й корпус кавалерии установлен за пехо-

тою правого фланга армии нашей.

Тут же и Платов с 9 Донскими полками. Другие донцы рыскали по течению Колочи до слияния ее с Москвою, оберегая всю ту сторону к Старому и Малому Беззубову.

Итак, вся русская армия расположена была в четыре стены; за двумя пехоты две кавалерии.

Главный же резерв находился за центром боевой линии и состоял из целого 5-го гвардейского корпуса под начальством Лаврова. Этот резерв имел три линии: две передние пехота, задняя кирасиры.

Пять рот конной артиллерии сберегались в резерве за 4-м корпусом кавалерии. Большой резерв артиллерийский стоял перед деревнею Псареву.

ЗАЩИТА ЛИНИИ

Сильные батареи, хотя наскоро сложенные, прикрывали фронт наш, особливо левое крыло. Все егерские полки, огорожаясь, где можно, засеками, залегли по кустарникам, засели по деревьям, захватили дефилеи. Пехота наша в день битвы построилась в батальонные колонны, но кавалерия поддерживала ее

развернутым строем. Главная квартира перенесена опять в Татариново.

Армии русской считалось в день битвы Бородинской до 113 500, кроме ополчений. Пушек у нас было 640. У французов же войск до 188 000 и пушек 1000.

КАНУН БОРОДИНА

Недели за три перед кануном великой битвы Бородинской сражались за обладание Смоленска. Осаждающие зажгли город. Пожар, распространяясь все более и более, охватил башни, дома, целые улицы. Наконец запылали и церкви с их колокольнями. Огненная буря, с треском и шумом, разливалась в воздухе, раскаляя его. У защитников Смоленска в тесных переулках, под длинными космами огня, не раз волоса на голове трещали; колокола звонили без звонарей и таяли. В это время огня и гибели раздался голос: «Спасайте икону Смоленской богородицы!» Этот голос скоро сделался всеобщим кличем и навел начальство на распоряжение к спасению иконы. С тех пор пресвятая владычица последовала за войском, внимая молитвам готовящихся на славную смерть или умирающих. Русские за-

няли обратно Смоленск, внесли икону в прежнее место, стали служить молебен, и, когда дошло до слов: «Пребысть же Мариам яко три месяцы и возвратися в дом свой» присутствовавшие перешептывались: было ровно три месяца, как икона вынесена из церкви над воротами в Смоленске и ровно через три месяца возвратилась в дом свой.

Теперь, накануне великого дня Бородинского, главнокомандующий велел пронести ее по всей линии. Это живо напоминало приурочение к битве Куликовской. Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала... Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствие, несколько голов поднялись кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего

в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: ура! и этот крик повторился всем войском.

Орел продолжал плавать; семидесятилетний вождь, принимая доброе предвестие, стоял с обнаженной головой. Это была картина единственная! Михаил Кутузов, главный повелитель всех воинских сил империи, являлся тут во всей красе военачальника. В простреленной голове его был ум, созревавший в течение 70 лет; в его уме была опытность, постигшая все тайны политической жизни гражданских обществ и народов. Над ним парил орел... сто тысяч русских кричали: ура! а судьба завтрашнего дня укладывала жребии в таинственную урну свою...

После дня, слегка пасмурного, и вечера, окропленного холодноватым дождем, после жаркой целодневной перестрелки за право пить воду в Колочи настал темный холодный вечер, настал канун битвы Бородинской. Из всех явлений 1812 года канун Бородина сохранился, конечно, у многих в памяти. Все ожидали боя решительного. Офицеры надели с вечера чистое белье; солдаты, сберегавшие

про случай по белой рубашке, сделали то же. Эти приготовления были не на пир! Бледно и вяло горели огни на нашей линии, темна и сыра была с вечера ночь на 26-е августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель.

Удвоенные костры, уставленные в несколько линий, пылали до самого Колоцкого монастыря. Эти не наши огни, стоя огненными полками, сквозили сквозь чащи лесов и кустарников, румянили наше небо и бросали какой-то кровавый отблеск на окрестности ямистые, темные.

Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветный клик войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное зна-

мение и приговаривали: «Мать пресвятая богородица! помоги постоять нам за землю свою!» К утру сон пролетел над полками. Я уснул, как теперь помню, когда огни один за другим уже снимались, а заря начинала занимать. Скоро как будто кто толкнул меня в бок. Мнимый толчок, вероятно, был произведен сотрясением воздуха. Я вскочил на ноги и чуть было не упал опять с ног от внезапного шума и грохота. В рассветном воздухе шумела буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались. В пять минут сражение было уже в полном разгаре. Многие, вскочив от сна ночного, падали в сон вечный. Взрытая выстрелами земля, включенная солома, дым и вспышки огня рябили в глазах. Это вице-король Италианский повел свою знаменитую атаку на Бородино. Таков был канун и начало великой битвы у нас. У французов было иначе.

РЕКОГНОСЦИРОВАНИЕ

Обстоятельные обозрения линий происходили 25 числа. Кутузов уже не в первый раз объехал свою армию. Он взглянул на укреп-

ления при деревне Семеновской и внимательно обзирал левое крыло наше. Оно уперто было в большой лес и прикрыто высокоторчащим курганом с 25 пушками. Еще на двух пригорках наброшены венцами укрепления. На центре все мосты разорены, все переправы испорчены, против известных бродов выставлены пушки. Правый фланг, как мы уже сказали, лесистый, дебристый, искрещен засеками, снабжен большими окопами. В общем объеме русские занимали все гребни высот за Колочью, в виде просторного полукруга. Главные наши вооружения были следующие: ретраншемент и флеши в лесу на правом фланге; батарея на кургане Горецком; другая, недалеко от этой, тоже на круглом холме, называвшаяся батареею Дохтурова, 3-й большой люнет с бастионами: его называли батареею Раевского; четыре окопа (флеши или реданты) при Семеновском.

С центральной батареи нашей смотрели в трубу и вдруг засуетились. «Это он! это он!» — закричало несколько голосов. В самом деле, вооруженный глаз мог увидеть человека, которого портрет знаком был всякому. Он

выезжал из лесу, от деревни Логиновой, сам-друг с товарищем и направлялся к нашим линиям. Несколько удачных выстрелов с батареи дали почувствовать ему, что он открыт. Это был Наполеон! Рассказывая о рекогносцировках, лично им самим произведенных, мы обратимся немного назад. 24 августа, по взятии Шевардинского редута. Наполеон пожелал видеть пленных. Пленных не нашлось. Император прогневался. Генерал Коленкур (брат герцога Виченцкого) сказал при этом: «Русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять!» «Ну, ладно! — возразил Наполеон, — так послезавтра (26 августа) мы всех их втопчем в землю».

25-го выехав, как мы уже заметили, на рекогносцировку, Наполеон въехал на высоты, где стояли войска вице-короля Италиянского. Эти высоты отделялись от Бородина только мелкою речкою Войнею. Наполеон отдал разные приказания на счет искусственного укрепления срединного пункта, на котором, как на оси, должен был совершиться великий поворот всей французской армии. Хозяйничая, как дома, Наполеон давал разные прика-

зания и хвалил выбор места, где генерал Дантуарт поставил батарею в 60 орудий для обстреливания большого редута русского. На предложение, не лучше ли сейчас занять Бородино, император возразил живо: «Сохрани меня бог! Русские так спокойно опираются на этот пункт! Овладей им, они всполошатся, подумают, что правое крыло их в опасности, и, чего доброго, уйдут!.. А я разве для того пришел сюда из Парижа, чтоб упустить их из рук?.. Завтра (26 августа) рано Дельзон двинется и займет Бородино. Это дело минуты!» По такому же расчету Наполеон не согласился и на предложение Даву, чтобы обойти русскую армию по старой Смоленской дороге. Неизвестно, вследствие ли искусной стратегической выкладки или некоторого безотчетного предчувствия, Наполеон сберег свою гвардию, без которой неизвестно чем бы кончился для него день Бородинской битвы и как бы отсиделся он в Москве опожаренной? В тот же день, но гораздо позже, обзревая еще раз русские линии (ему все не верилось, что русские принимают сражение), Наполеон остановился у дивизии Гюдена, состоявшей

под командою Жерара. Долго расспрашивал он о неприятеле и, наконец убедясь, что русские от сражения не отступают, весело улыбнулся и запел песню:

*От севера до юга,
Военная труба
Час битвы протрубила!*

Потом прищпорил лошадь и помчался по линии. Ставка Наполеона находилась по левую сторону большой Московской дороги. Большое каре из пехоты старой гвардии окружало ее. Наполеон провел ночь — канун Бородине — беспокойно: какая-то лихорадка пробегала по жилам его. Это была лихорадка ожидания! «Какова погода» — спросил он, пробудясь в 2 часа. «Небо выяснилось» — отвечали ему. «Ну! У нас будет день Аустерлицкий!» И скоро, сопровождаемый дежурными эскадронами, он поехал к редуту Шевардинскому. Молодая гвардия и конница гвардейская уже ожидали его там. Старая гвардия потянулась туда же. Войска эти были в большом параде: одеты как на праздник! Прибыв к линии и объезжая вдоль поля, закипавшего сра-

жением с обер-шталмейстером, герцогом Ви-ченцским, маршалом Бесьером и многими генералами, и всмотрясь вблизи в места, о которых судил прежде только по догадке, изда-лека, он сказал вслух: «Это сражение можно по-вторить; иначе я не стал бы его и затевать».

Вот еще слово о рекогносцировке Наполео-на — я заимствую его из рассказа французов.

С первыми признаками дня (26 августа), еще в утренних сумерках, Наполеон верхом промчался между обеими линиями и высмот-рел вблизи русскую позицию. Он увидел, что неприятели занимали все гребни высот, в ви-де пространного полукруга, на протяжении двух миль (deux lieux), от реки Москвы до ста-рой Смоленской дороги.

Наполеон с первого раза усмотрел, что пра-вое неприятельское крыло неприступно. И так он начал считать чисто боевую линию русских от кургана Горецкого. В этом направ-лении, правее от Горок (смотря к Москве), сто-ит круглый холм (по-нашему, батарея Раев-ского), вооруженный страшным редутом (он был страшен только по храброй обороне) с 21 пушкой.

С фронта и справа окружен этот редут (т. е. люнет) оврагами и Колочею; левая сторона его лежит на скате длинного полого-широкого возвышения, которого подошва защищается тонким оврагом и ручьем, бегущим в Колочу. Гребень этого протяженного холма идет мимо фронта французской армии, утекая к левому русскому крылу до деревни Семеновской. Здесь кончатся два отдела русской армии: войска правого крыла и центра — это войска Барклая. Тут выдавшийся пункт вооружен сильною батареею, прикрытою ретраншементом. Отсюда начинается войско Багратиона.

Гребень высот, уже не столько значительных, занимаемых 2-ю армиею, склоняется к Утице, где кончится собственно боевая линия русских. Два холма с редутами (т. е. три реданта) обороняют фронт Багратиона. На краю левого крыла есть еще Тучков 1-й с его отдельным корпусом и Московским ополчением.

Этот генерал выставил на двух курганах сильную артиллерию. Осмотрев таким образом русскую позицию, Наполеон тотчас по-

нял (совсем не трудно было это понять), что слабейшее место на линии есть левое крыло.

«Евгений будет осью! — воскликнул он. — Бой начнет правое французское крыло. Сбив, что встретит, оно сделает поворот налево и пойдет громить русскую линию, тесня и загоняя ее к правому ее крылу и потом в Колочу». Для этого он велит поставить против левого русского крыла три батареи, каждую в 60 орудий, всего 180 пушек!

26 АВГУСТА

В 2 часа пополуночи Наполеон стоял уже на тех высотах, где за день пред тем было сражение. Он окружил себя фельдмаршалами и важно и громко рассуждал, как и откуда лучше начать предстоявшее сражение. Ночь была холодна. Даже легкий утренник охрустал по местам увлажненную землю. К рассвету густые туманы поднялись, и в 6 часу утра выступило великолепное солнце. Это явление, вероятно, навело мысли Наполеона на времена былые. Он вспомнил Вену, Моравию и приветствовал подмосковное солнце достойными словами: «Это солнце Аустерлица! (c'est le soleil d'Austerlitz)». На всех фран-

цузских биваках ударили подъем, звуки барабанов прокатились по линии, и армия взялась за ружье. Полковники на конях стояли перед полками. Капитаны читали перед ротами приказ:

«Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Изобилие, отдых, все выгоды жизни, скорое примирение и слава ожидают вас в столице русской. От вас зависит все получить, всем воспользоваться, только ведите себя как при Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске. Сражайтесь так, чтоб позднейшие потомки могли с гордостью сказать о каждом из вас: „И он был на великом побоище под стенами Москвы!“» Этот приказ, нарочно прочитанный на таких местах, где лежало много неубранных русских тел, воспламенил французов.

Теперь, когда уже на роковой шахматной доске Бородинского поля расставили мы все шашки и внимательно рассмотрели положение линий и предстоящие ходы обеих сторон, прежде, чем перейдем к рассказу о великой битве, представим еще читателю беглый панорамический взгляд на местность и некото-

рые моменты сражения. Делаем это теперь, чтобы после не перерывать уже начатого рассказа без особенной необходимости.

БЕГЛЫЙ ПАНОРАМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МЕСТНОСТЬ И НЕКОТО- РЫЕ МОМЕНТЫ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Предположим, что один из французских художников делал свои заметки для составления панорамических картин Бородинского сражения. Он, конечно, избрал срединный пункт во французской армии. Станем вместе с ним где-нибудь в центре, например, против деревни Семеновской, сперва разрушенной, потом сожженной. Будем смотреть по порядку, вооружаясь по временам зрительною трубою и переносясь иногда с места на место мысленно. Взгляните вправо: вам представляются на краю горизонта березовые рощи, разрезанные вьющеюся полосой: это старая Смоленская дорога. По этой дороге подвигался 5-й корпус. Его вел Понятовский; в нем были поляки. Теперь шли они, может быть, по той же самой дороге, по которой, ровно за 200 лет (в 1612 году), их прадеды и предки проходили к

Москве от Смоленска. Но времена переменились! Корпус Понятовского, как мы уже знаем, составлял край правого крыла французского, сражался на краю левого русского.

Все силы и все усилия обратил неприятель на наше левое крыло, утолстив свое правое. Кутузов отрядил генерал-лейтенанта Тучкова 1-го на старую Смоленскую дорогу. Тучков стал и отстаивал... Храбрый, мужественный, он ни на минуту не забывал, что стоит перед Москвою, что дерется за Москву; что Москва, этот сердечный город империи, этот Иерусалим[3] Древней Руси, есть град заветный, град сорока сороков церквей и соборов с золочеными главами и куполами, со множеством крестов, несущихся воздушными городами под самое небо; град, красующийся на семи холмах, занимающий пространство целой области, заключающий в себе целые города, и знаменитый исторический Кремль, с его зубчатыми башнями, святыми воротами; град, где древние храмы от древних лет вмещают в себя сокровища верующих, священные опочивальни честных мощей угодников царя небесного и длинные ряды гробниц, вмести-

лице целых поколений царственных владык земных; град, где сохранились еще терема узорочные и светлицы цариц и царевен русских; где иноземец глядит с любопытством на дворцы императорские (белые чертоги царей) и дивится палатам и садам родового боярства русского.

Генералу Тучкову даны войска: 3-й пехотный корпус, шесть донских полков с генералом Карповым и 7000 Московского ополчения с графом Марковым. Видите ли прекрасное расположение этих войск? Корпус Тучкова поставлен в четыре линии; высокий курган увенчан сильною батареею: донцы и ополчение скрыты в засаде. Они раскроют себя, ударив во фланг неприятелю, когда он, слишком самонадеянный, начнет обходить позицию слева.

Уж запылило в отдаленности... Поляки приближаются, страшные батареи ревут перед ними. Вся окрестность обстреляна. Ядра снуют по воздуху; картечи вихряются. Но вот стальная река штыков и сабель, вот радужная лента уланских значков склоняются вправо... Неприятель намерен обходить, и вдруг (пи-

шет Вентурини) высокий лес ожил и завыл бурею: 7000 русских бород высыпало из засады. С страшным криком, с самодельными пиками, с домашними топорами, они кидаются в неприятеля, как в чащу леса, и рубят людей, как дрова!..

Оставим Понятовского при его назначении на правом французском крыле, оставим его воевать с отдельным корпусом Тучкова и пойдем все влево, держась параллели с линией нашей главной армии. На этом пути мы встречаем корпус герцога Абрантесского (Жюно), расположенный по лесам и местам закрытым. Только дым, приметный над лесами и перелесками, обличает присутствие утаенного войска. Видите ли, как этот дым, сперва выстреливаясь вверх струями, кудрявится и вьется между кудрей красных и желтых деревьев, которых осень уже коснулась перстом своим. Еще далее, еще левее расположены дивизии Десекса и Кампана, 1-го корпуса маршала Даву. Эти дивизии схватились с войсками князя Багратиона и дерутся на опушке леса. Они опираются на 3-й корпус Нея, стоящего против войск Бороздина. Третий француз-

ский корпус рисуется эшелонами подивизионно. Спросите, кто это, в блестящем маршальском мундире, с воинственной осанкою, сидит на белой лошади подле 3-го корпуса? «Это лев, во гневе махающий гривую; это человек, питающийся огнем и порохом, это Ней!» Так скажут вам французы. Недалеко от него ожидает условного знака одна из его батарей.

Посмотрим еще вокруг себя. Вот 1-й корпус кавалерии генерала Нансути; он занимает пространство между войсками Нея и одним пехотным каре против сожженной деревни. Этот корпус (из двух дивизий кирасир, одной легкой кавалерии и бригады Виртембергивой) бьется с полками кирасир русских, которые еще раз пытаются отнять позицию при деревне Семеновской. Какая картина! Реданты Семеновские на минуту захвачены французами. Кутузов тотчас велит поставить новую боковую батарею в 25 пушек. Она приведена в соединение с другими и, крестя поле, режет французов продольными выстрелами по фронту и в тыл. Ядра пронизывают ряды. Между тем реданты опять в руках русских, и

вот Мюрат мчится впереди, и за ним целый разлив его кавалерии. Он наезжает прямо на реданты, а Голицын с кирасирами объезжает его прямо с боку и в тыл. Как они режутся! Какая теснота! Конница топчет раненых; трупы дробятся под колесами артиллерии. Живые конные стены сшибаются, трещат и, под грозным гулом пальбы, при страшных криках, среди лопающихся гранат, без памяти хлещутся палашами и саблями. И вот (я боюсь, чтобы вы не закричали ура!) наша конница расшибла французские эскадроны: они мешаются, кружатся, бегут... Один между ними не хочет бежать!.. Конь под ним крутится. Блестящий всадник кличет, машет саблею. «Ко мне, французы! ко мне!» Напрасно! Он окружен чужими... Палаш и сабля русские висят над воином в фантастических одеждах, его узнали: это он! Король Неаполитанский! Его ловят, хватают!.. Слышите ли радостный крик: «Он наш! он наш! Король в полону!» Ближняя пушка, разгоряченная пальбою, с страшным треском лопается, осколки и клинья летят дугами вверх, зарядный ящик вспыхивает, и черный клуб дыма с комами

взбрызнутой земли застенияют от глаз все частные явления. Чу! прислушайтесь! в лесу направо загремело. Опять этот лес ожил, опять задымился... Но там нет русских, а там сражаются... Это вестфальцы: сквозь дым и пыль французы показались им чужими; они стреляют по своим! Оставим их в этом смятении и пойдем далее.

Вот здесь, в стороне, видите вы окареенный полк. Это 33-й линейный. Он поднял щетину штыков и дерется с нашею конницею. Кирасиры его и ее императорских величеств кидаются, напирают и жмут это несчастное каре. Но уже спешит, перебираясь чрез овраг, свернутый в колонну 48-й полк (из дивизии Фрияна); он торопится на выручку к 33-му; к Фрияновой же дивизии принадлежит и полк Испанский — Иосифа Наполеона. С роскошных долин Андалузии он перенесен каким-то волшебством на суровые поля подмосковные — и вот, одетый в белые мундиры, этот полк, ярко отличаясь от прочих, идет белою колонною по черным огаркам погорелой деревни.

Но что там подле самого окареенного 33-го

полка? Какие-то стройные фигуры в блестящих мундирах. Это он! это опять король Неаполитанский. Он ускользнул из плена и очутился здесь. Рядом с ним престарелый храбрец генерал Фриян и генерал Бельяр, еще один свитский полковник и один из рассыльных ординарцев Наполеона. Все увлечены общим беспорядком, всех загнала сюда буря скачущих кирасир. Король и генералы торопятся спешиться и замыкают себя в каре. Видите ли вы целую конную колосистую крепость? Это батарея из 80-ти орудий. Шестьсот лошадей готовы двинуть и мчат вперёд эти пушки.

Усмотрев всю важность позиции при деревне Семеновской, Наполеон поставил тут громадную батарею под начальством генерала Сорбье и назвал ее адскою! Он уверен был, что русские станут жестоко драться за деревню Семеновскую. И в самом деле, смотрите, смотрите! Русские в огромных массах несутся на этот заветный пункт. Но день погас. Красный клуб огня и дыма покотился по полю, и целая буря картечи засвистала навстречу наступающим. Нет мужества, которое могло бы идти против такого урагана! Отпорная сила

батарей остановила наших. Но не ожидайте увидеть тыл их!.. Под самыми пушками французскими русские, при невозможности подвигаться вперед и с твердою решимостью не отступать назад, приросли к земле ногами, — как видно, что земля эта им родная! и падают, уничтожаемые неотразимым могуществом артиллерии. Однако ж, и в этих ужасных для нас обстоятельствах, некоторые из пушек французских вправо, сорваны наскоком кавалерии русской.

Пройдем скорее эту громоносную батарею Сорбье, эти метели картечи, эти сугробы мертвых и умирающих!.. Там, еще левее, поставлен корпус (2-й кавалерийский) генерала Коленкура. Блестящ и молод этот генерал! Число битв, в которых он находился, превышает число лет его жизни. Это брат человека, знакомого нам по Петербургу. В этом корпусе была одна дивизия кирасир, с которою Коленкур бросился на главный бастионный редут (люнет, или Раевского батарею), въехал на редут и не съезжал уже более! Позади его войск стоит 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга. Боевой порядок в две ли-

нии. По правому крылу он сосед белого Испанского полка.

За 2-м кавалерийским корпусом (спускаясь все справа налево по линии) видим три дивизии пехоты из 4-го вице-короля Италиянского корпуса. Ближайшая к ним дивизия Жерара, другая Брусье, третья Морана; а там, насупротив батареи Раевского, толпится длиною колонною дивизия Клапареда. Во всех трех дивизиях первые бригады фрунтом, вторые в колоннах. Этим дивизиям жарко от корпусов Дохтурова и Остермана! Мы все идем влево и встречаемся с войсками Груши. Это 3-й кавалерийский корпус. Он в движении. Видите ли, как высоко взвиваются над ним облака пыли? Еще далее, еще левее, за речкою Колочею, которая, спрятавшись в свои крутые берега, бежит под пушками обеих линий, около Бородина поставлена дивизия Дельзона, подпертая батареею в 30 орудий! Ею командует Дантуар. Вы видите густой дым немного в стороне от Бородина: он вьется над этим войском и этою батареею. Наконец на закрайке левого французского крыла, гораздо левее Бородина, стоят на тучных немецких конях ба-

варцы. Это дивизия Орнано. Против нее чернеет масса русской кавалерии Уварова.

Замечали ль вы, проходя по линии, там и там рассеянных русских мужиков с пиками и без пик, с топором за поясом, как будто вышедших на дело сельских работ? Безоружные, они втесняются в толпу вооруженных, ходят под бурею картечи и — вы видели — они нагибались, что-то подымали, уносили... Это 10 000 смоленского ополчения. Распоряжаясь хозяйственно всеми частями битвы, Кутузов приказал смоленскому ополчению уносить раненых из-под пуль сражающихся, из-под копыт и колес конницы и артиллерии. И набожно, добросовестно исполняли смоленцы обязанность свою. Когда ядро визжало над их головою, они снимали шапку, говорили: «Господи, помилуй!», крестились и продолжали свое дело — великое, христианское дело помощи! Вы заметили, может быть, также телеги, расставленные огромными вагенбургамиили тянущиеся цепью за нашею линиею. Это 12 000 подвод, которые все он, все тот же хозяин, Кутузов, собрал для отвоза раненых. У французов этого не было; зато их раненые за-

дыхались под мертвыми, и трупы их были растоптаны копытами, раздавлены колесами артиллерии.

Но возвратимся на точку, с которой начали. Видите ли вы это возвышение перед деревнею Семеновскою?.. Всмотритесь в него. Это достопамятное место! Вон там на самом краю глубокого оврага, в простой серой шинели, в треугольной шляпе, один, без свиты, только с одним еще человеком, стоит всадник. Недалеко перейдя за черту средних лет, он, кажется, еще пользуется лучшим здоровьем. Он невелик ростом, дороден, сложен плотно и, по привычке или с природы, имеет плечи немного вздернутые кверху; оттого шея кажется короткою. Голова его, видно, по уму, а не по росту, очень велика; лицо широкое. Цвет лица изжелта-бледноватый. Его волосы черные, гладкие; глаза иссера-голубоватые, обогнутые густыми бровями. Улыбка выказывает ряд прекрасных зубов. Он имел еще что-то прекрасное: это его полные, нежные руки, и, кажется, он любил дорожить этим мелочным преимуществом. Профиль его лица греческий. Его взгляд молния; но черты лица

неподвижны, вид молчаливо-задумчив. Только две страсти ярко выражались на этом лице: радость и гнев. Он говорил, как будто все приказывал, отрывисто, сухо. Его речи, фразы сжатые, полные мысли, часто поэзии. Иногда в его разговоре, даже в произношении и поступках, проглядывал корсиканец. Теперь вы догадываетесь, о ком я говорю: это Наполеон! Он носил, и как-то по-своему, мундир одного из своих полков и шляпу трехгранную, низкую, какие нашивали до революции. По этой единственной шляпе и по оригинальной обрисовке его особы армия узнавала императора-полководца издалека. По этой шляпе и обрисовке, спустя 20 лет, когда однажды на одном из парижских театров являлись на сцене океан и скала, и на эту скалу взошел актер небольшого роста в треугольной шляпе, с скрещенными на груди руками, весь партер, все зрители лож вскочили с мест, закипели воспоминанием, и клики восторженных слились в одно: «Это он! Это он!» (c'est lui! c'est lui).

И это был точно он, там, вблизи Шевардинского редута, на возвышении достопамят-

ном, в простой серой шинели (которую надевал в поле) и в своей приметной шляпе.

Теперь — видите ли — он сошел с лошади и, взяв под руку одного из генералов, которого называл своим рупором (слуховая труба у моряков), потому что он всегда верно повторял его слова, его приказания; другие называли его эхом Наполеона, — взяв под руку Бертье (ибо это был он), Наполеон, о чем-то с ним совещаюсь, расхаживает по самому краю оврага. На этот раз при стене поля Бородинского, заботливая нерешительность изображается на лице полководца. Замечаете ли вы поступь его, довольно мерную, но тяжелую? Это тяжелое ступанье по земле, которую он как будто хотел раздавить, замечали в нем издавна. И это-то подавало повод находить черту сравнения с апокалипсическим Аполлионом, которому народное предание придает также ноги крепкие, походку тяжелую. Эта же черта замечается и в описании Мамайя, другого предводителя нашествия на Россию! Но обратимся к Наполеону бородинскому. Вот прискакал к нему стройный французский офицер, весь в порохе, лошадь в мыле. Это

Готпуль (Gautroul), посланный Неем за секурсом. На его донесение Наполеон отвечает нерешимостью. Он посматривает на Бертье, говорит с ним что-то вполголоса, советуется и все не решается... «Государь! — сказал присланный, — минуты дороги!.. По линиям разбегаются молва, что Багратион бьет Нею!» «Спешите! — сказал Наполеон, — к Клапареду, отведите дивизию его к Нею». Готпуль поворотил лошадь и мчится. Но припадок нерешительности возобновляется. Видите ли — Наполеон делает движение рукою, двадцать адъютантов летят и ворочают посланного. Опять советуется с Бертье и вместо Клапареда велят вести к Нею Фрияна. Французские тактики говорят: Наполеон, поддавшись раздумью, упустил роковую 1/4 часа и упустил много!.. «Ему бы самому (так, как он то сделал позже, и тогда было уже поздно!) помчаться к редантам и магическим появлением своим удвоить силу своих! Он не сделал этого!» Однако ж он участвует в переходах боя, в порывистом наезде кавалерии, участвует... издалика! Смотрите! Он весь превратился в зрение и (что это значит?)... Видите? Видите? Наполе-

он захолопал в ладоши, Наполеон аплодирует? Король Неаполитанский помчался на реданты. Наполеон увидел его и захолопал. Король атакует, император аплодирует: «Ils y vont, ils y vont: ils y sont!»[4] — восклицает Наполеон и приказывает подать себе (a caisse d'ordonnance) ящик с крестами. Награды сыплются на храбрых. Так орлиным взором следит он за роковыми переходами сражения, которое сам назвал исполинским.

Теперь перенесемся мысленно на противоположную высоту, соседственную с курганом Горецким. Ее легко отыскать у корпуса Дохтурова. Там также есть человек замечательный. Он все на той же маленькой лошадке: все в той же, как мы уже описали, одежде. Он окружен множеством офицеров, которых беспрестанно рассылает с приказаниями. Одни скачут от него, другие к нему. Он спокоен, совершенно спокоен, видит одним глазом, а глядит в оба, хозяйственно распоряжается битвою; иногда весело потирает рука об руку (это его привычка) и по временам разговаривает с окружающими, но чаще молчит и наблюдает. Это Кутузов. К нему подъезжают генералы.

Остановимся на одном. Вот он, на прекрасной, прыгающей лошади, сидит свободно и весело. Лошадь оседлана богато: чепрак залит золотом, украшен орденскими звездами. Он сам одет щегольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!), на груди звезды, на эфесе шпаги горит крупный алмаз. Но дороже всех алмазов слова, вырезанные на этой достопамятной шпаге. На ней написано: «Спасителю Бухареста!» Благодарный народ поднес этот трофей победителю при Обилейшти. Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское: вот приметы генерала приятной наружности, тогда еще в средних летах. Довольно большой сербский нос не портил лица его, продолговато-округлого, веселого, открытого. Русые волосы легко оттеняли чело, слегка прочеркнутое морщинами. Очерк голубых глаз был продолговатый, что придавало им особенную приятность. Улыбка скрашивала губы узкие, даже поджатые. У иных это означает скупость, в нем могло означать какую-то внутреннюю силу, потому что щедрость его доходила до

расточительности. Высокий султан волновался на высокой шляпе. Он, казалось, оделся на званый пир!.. Бодрый, говорливый (таков он всегда бывал в сражении), он разъезжал на поле смерти, как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку, еще спокойнее раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами. «Стой, ребята, не шевелись! дерись, где стоишь! Я далеко уезжал назад: нет приюта, нет спасения! Везде долетают ядра, везде бьет! В этом сражении трусу нет места!» Солдаты любовались такими выходками и бодрым видом генерала, которого знали еще с италиянских походов. «Тут все в беспорядке!» — говорили ему, указывая на разбитые колонны. «Бог мой! (его привычное слово), я люблю это: порядок в беспорядке!» — повторял он протяжно, как будто нараспев. Пули сшибали султана с его шляпы, ранили и били под ним лошадей, он не смущался: переменял лошадь, закуривал трубку, поправлял свои кресты и обвинял около шеи амарантовую шаль, которой концы живописно развевались по воздуху. Французы называли его русским Баярдом; у

нас, за удалство, немного щеголеватое, сравнивали его с французским Мюратом. И он не уступал в храбрости обоим! Один из самых неустрашимых генералов, А. П. Ермолов, писал к нему: «Чтобы быть везде при вашем превосходительстве, надобно иметь запасную жизнь». Это был генерал Милорадович! Вызываемый на служение отечеству нарочными письмами прежнего главнокомандующего Барклая-де-Толли, он за два дня перед великим сражением, с суворовскою быстротою привел или, лучше сказать, привез из Калуги 15 000 набранных им войск.

Другой, подъехавший к главнокомандующему, был росту высокого, лет, приближавшихся к средним. Это был мужчина сухощавый, с темными, несколько кудреватыми волосами, с орлиным носом, с темно-голубыми глазами, в которых мелькала задумчивость, чаще рассеянность. Важные, резкие черты отличали его смуглое, значительное лицо, по которому можно было отгадать характер самостоятельный[5]. На этом лице, воинственно-красивом, приметны следы какого-то внутреннего томления: это следы недавней

болезни! Звук трубы военной поднял генерала с одра и ринул его прямо в битву. Осанка и приемы обличали в нем человека высшей аристократии, но в одежде был он небрежен, лошадь имел простую. Он носил в сражении очки, в руке держал нагайку; бурка или шинель свешивалась с плеча его. Отвага не раз увлекала его за пределы всякого благоразумия. Часто, видя отстающего солдата, он замалчивался нагайкою, солдат на него оглядывался, и что ж?.. Оказывалось, что он понукал вперед французского стрелка!.. Обманутый зрением, привычною рассеянностью, а еще более врожденною запальчивостию, он миновал своих и заезжал в линию стрелков французских, хозяйничая у неприятеля, как дома. Он командовал под Витебском и велел удерживать один важный пункт. Долго крепились наши; наконец, к нему прислан адъютант, с словами: «Неприятель одолевает; что прикажете делать?» Понимая всю важность удерживаемого пункта, он отвечает не обинуясь: «Стоять и умирать!» Это был граф Остерман! Он командовал корпусом в Бородинском сражении. Бесперывный прилив и отлив лиц и

мундиров происходил около главнокомандующего. Физиономия окружавшей его толпы беспрестанно изменялась.

И вот подскакал какой-то стройный гвардейский адъютант, с легкими рябинами на лице; левою сдержал коня, правую приподнял фуражку и, наклонясь к самому лицу Главнокомандующего, доложил о чем-то тихо и стал наряду с другими. На лице Кутузова мелькнуло легкое сомнение. Но, после минутной задумчивости, он просиял, оборотился к своим, снял фуражку, перекрестился и сказал громко: «Мне донесли, что король Неаполитанский взят в плен!?» прибавил: «Надобно подождать подтверждения». Вот подъезжают два казака и между ними кто-то на маленьком крестьянском коньке (которых французы называли коньяк); этот кто-то малорослый, тучный, конечно, не сановитый король Неаполитанский! Это генерал Бонами. В порыве отчаянной храбрости, впереди 30-го линейного полка, он вскочил на большой редут и взят в плен, покрытый ранами. Солдаты, изумленные такою храбростью, почтили его, ошибкою, названием Мюрата. И вот он, в страш-

ном растрепе, подъезжает, пошатываясь то на ту, то на другую сторону от ран или какой другой причины. «Доктора!» — закричал Кутузов и, сказав несколько слов с пленным, велел его перевязать. Под мундиром французского храбреца нашли две фуфайки, а под ними — все тело, исцарапанное штыками. Раны были легки, но многочисленны: их насчитывали более 20-ти.

Кутузов остается все на том же месте. К нему, как к центру, стекаются все нити, все радиусы. Подле него стоят длинные пушки, готовые заговорить. Далее и ниже выставлены еще пушки, которые иногда палят и распугивают толпы французов в Бородине. Красные космы пламени вырываются оттуда из-за дыма. Бородино горит! Люди, с высоты кажущиеся маленькими, шевелятся между падающих домов и лопающихся гранат. И так два вождя стояли на двух возвышениях. Оба по положению своему были выше всего, что совершалось под ними! Две воли сильные, две мысли могучие встречались между собою, останавливались, мерили одна другую и потом схватывались и вступали в борьбу

небывалую. Движение 300 000 воинов, гром 1600 орудий — бой, какого не видала земля русская после побоища Задонского, — были только более или менее близкими развитиями встречи и борьбы этих двух властительных мыслей.

Но пора докончить общее обозрение. Вы видели Наполеона. Он один, с ним только Бертье; немного поодаль за ним, на площадке, взрытой ядрами и гранатами русскими, стоят офицеры его главного штаба.

Несколько правее от этого достопамятного места вы видите дивизию молодой гвардии под начальством генерала Роге. Она в движении, она идет поддержать дивизию генерала Фрияна, который и сам, помните, в главах ваших замкнулся в каре с королем и другим генералом. Там, еще далее, у двух холмов, ограничивающих даль, синеют длинные линии, целый лес железа и стали! Это императорская гвардия! — последний резерв французский! Отсюда вы легко можете увидеть изгибы (новой) Смоленской дороги, по которой пришла французская армия и по которой теперь тянутся артиллерийские резервы, парки, толпы

отсталых, и все это пылит воздух, как будто идет другая армия.

Еще далее, почти на краю горизонта, за двумя округленными холмами, рисуются колокольни Колоцкого монастыря, где Наполеон учредил подвижной госпиталь со всеми снадобьями для больных и раненых. Перенесите теперь то, что мы видели и записали, перенесите с бумаги на холст, размалюйте ваши смелые очерки широкою кистью — и вы будете иметь ряд картин, соответственных ряду моментов Бородинской битвы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВСТУПЛЕНИЕ К ОПИСАНИЮ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Мы отметили на плане деревни по категориям, по разрядам, так сказать, по семействам. К первому разряду принадлежат деревни, облегающие наше правое и французское левое крыло; ко второму — сгруппированные около французского правого и нашего левого крыла, а к третьему, по ту и другую сторону Колочи, приуроченные к нашему и неприятельскому центру. Семеновское — место роковое и славное! — должно отличаться в семействе деревень и селений, прилегающих к левому крылу.

Выясняя для себя более и более картину битвы Бородинской, обставьте замеченные деревни и поименованные при них урочища? — берега Колочи, Войни, Стонца, Огника; оврагов: Горецкого, Семеновского, Шевардинского и проч. Обставьте их войсками, руководствуясь прекрасным описанием и планом

Д. П. Бутурлина, и вы будете уже иметь две трети из целого, валового понятия о битве Бородинской. Узнав, где стояли и кто где стоял, вам останется только узнать, что делали.

Итак, остальная часть состоять будет в объяснении переходов (так сказать, переливов одного протяжного звука) в обрисовке фаз, видов, эпох самого сражения. Узнав места, лица и действия, вы узнаете все.

Попытаемся ж сказать по одному слову о каждом из этих переходов и пронять их общию нитью хотя беглого, летучего рассказа.

Эти переходы, при всей своей неуловимости в их частных подробностях, подходят также, в своем общем объеме, под три категории. Бои, троекратно возобновлявшиеся за реданты Семеновские, атака Бородина и взятие большого люнета, составляют эти три категории. Война Тучкова 1-го, командира отдельного корпуса, есть четвертое действие кровавого драматического представления на поле Бородинском.

Потеря редантов и высот, которые защищал храбрый Тучков; вторичное взятие люнета; выезд Уварова против левого крыла фран-

пузов и частные распоряжения Кутузова и Наполеона составляют второй ряд явлений, сопровождавшихся, как и прежние, непрерывным громом артиллерии и блестящими, часто разрушительными, выездами обеих армий кавалерии. О действиях бородинской артиллерии можно сказать одно и одним словом: во все продолжение битвы я слышал непрерывный батальный огонь из пушек. Батальный или беглый ружейный огонь исчезал в пушечном в этой баталии пушек. Пройдем нить происшествий. В продолжение ночи с 25-го на 26-е французские саперы рылись кротами в нашей русской земле: делали эполемнты; топоры стучали в глуши ночной: строили мосты на Колочи.

Армия французская состояла из 11 корпусов. Из них 8 сгустились вдоль нашего левого крыла. Это была огромная, плотная масса, которую новый Эпаминонд хотел обрушить на левое наше крыло. Ею-то, как могучим тараном, готовился он бить нас по крылу, слегка защищенному.

Наши генералы с их корпусами стояли так, или почти так: Баговут и граф Остерман от

Московской дороги (смотря на Смоленск) направо над изгибистою Колочею, Дохтуров возле Остермана — от большой дороги до большой батареи, второй за Горецким курганом, называвшейся его именем или именем его корпуса[6], Раевский после Дохтурова: правым плечом у люнета, а левым у Семеновского. Бороздин и граф Воронцов (оба с гренадерами) назначались к защите редантов Семеновских: войска их правым плечом трогали Семеновское, левым упирались в лес. На крайней оконечности левого крыла ратовал и богатырствовал Тучков 1-й. Но ему, этому грозно выказавшемуся Тучкову, надлежало бы исчезнуть, пропасть, затаиться, не стоять на страже, но сторожить. По примеру прародителей наших, славян, Тучкову с его 3-м корпусом надлежало залечь где-нибудь в лесу в кустах, в траве, притаить дух и стеречь... Таково было намерение Кутузова! Он хотел употребить военную хитрость, сделать засаду. Он распорядился, чтоб Тучков 1-й с 3-м корпусом и граф Марков с 7000 ополчения засели, скрылись за курганом близ Утицы и ударили бы неожиданно во фланг и в тыл, когда неприятель

тель станет обходить нас по старой Смоленской дороге. Так было сказано, но не так сделано. Генерал Бенигсен, не вполне уведомленный о намерении Главнокомандующего, выставил войско наружу и тем нарушил тайну засады. Кутузов хотел, может быть, и смог бы обмануть Наполеона; но зоркий глаз Наполеона видел также далеко: он угадал перемещение Тучкова по бивачным огням, угадал и взял свои меры: Понятовскому предписано не обходить Тучкова, а сражаться с ним!

Гвардия составляла резерв — за Дохтуровым и Раевским. За каждым корпусом пехоты стоял корпус кавалерии. Сам Кутузов, с своим штабом, находился при войсках Дохтурова у большой дороги — на видном месте. Начальник всей артиллерии — граф Кутайсов. При Главнокомандующем находился знаменитый генерал Бенигсен. Барклай и Багратион командовали обеими западными армиями, 1-ю и 2-ю, а Милорадович правым крылом. Кутузов был военачальником всех войск.

С французской стороны, сколько известно, сделаны следующие предположения: Понятовский должен был идти по старой Смолен-

ской дороге и, взойдя на одну высоту с редантами Семеновскими, принять вправо для обхода левого крыла русского. Впоследствии, как мы сказали, ему приказано не обходить, а сражаться с корпусом Тучкова.

Даву и Ней имели приказание штурмовать три реданта, на долю вице-короля оставлены Бородино и большой люнет. Наполеон надеялся сорвать реданты, оттеснить наши войска и сбить их за большую дорогу, овладев ею. Короче, он хотел загнать нашу армию в угол, составляемый Колочею при впадении ее в реку Москву. Намерение дерзкое! Прижав таким образом армию в тесное место, он думал отрезать ее от Москвы и полуденной России и заставить положить ружье. Навести большое число войск на меньшее, рассечь нашу армию надвое и бить по частям: вот замысел Наполеона, возможный по расчетам тактики, но трудный в приложении к делу!

Ночные распоряжения неприятеля открылись, когда ободняло. Кутузов, с высокого места, где стоял хозяином, увидел огромные массы пехоты и кавалерии, расставленные против редантов Семеновских. Хвосты ко-

лонн терялись в лесу и чрез этот оптический обман представляли армию бесконечную!.. Это столпление войск на правом крыле неприятельском подало мысль послать Баговута с правого на левое крыло наше.

Начнем сначала и постараемся означить эпохи по часам, сколько то возможно. Сражение открылось в 6 часов утра.

120 орудий загрели со стороны французов. Когда боевые колонны неприятельские во множестве стали видны в поле, было уже 7 часов утра. Неприятель обставил все высоты ужасным количеством артиллерии. Пальба его могла вредить более нашей: он, как зачинщик, действовал откуда и как хотел и действовал концентрически (сосредоточенно); мы, как ответчики; действовали, как позволяло местоположение, и потому часто разобщенно, эксцентрически. Первый выступ французов был следующий: Понятовский шел около большого леса на Утицу. Даву вдоль через лес. Две громадных батареи потянулись прямо на позицию, чтоб бить по редантам. Маршалы Даву и Ней воюют у этих окопов. Головы колонн их то выказываются, то пря-

чутся в лес, не вытерпеливая пальбы нашей. Наконец, нападение на реданты начинается: французы бегут в промежутки, чтоб захватить их с тылу. Сводные гренадерские батальоны графа Воронцова отстаивают свои батареи. Но усилиям гренадер не устоять против превосходной силы! Маршалы овладели всеми тремя редантами, а генерал Дюфур захватил Семеновское. И тогда было 9, иные говорят 10 часов утра. Некоторые (это любимое мнение французов), поверившие на слово хвастливому 18-му бюллетеню Наполеона, полагают и хотят уверить, что в 9 или 10 часов утра мы были в величайшей опасности, что линия наша разрезана, судьба сражения висела на волоске и проч. и проч. Помня ход сражения и быв свидетелем духа и мужества наших, я не могу согласиться в мнении, изложенном выше. О потере редантов Семеновских можно сказать то же, что Кутузов сказал о потере Москвы, они не составили бы потери сражения. Но скажут: «Армия могла быть разрезана, линия изломана и проч. и проч.». Отвечаю: опыт показывает, что линия русская, пробитая, разрезанная, изломанная, все еще

дерется. В первом периоде сражения несколько конных полков французских вдруг заскакали в тыл 6-му и 7-му корпусам. Линия казалась разорванной, но полки Дохтурова и Равского нисколько не смешались: им пришла самая простая, естественная мысль: «Неприятель сзади, выворотимся наизнанку, станем бить по передним с передних, по задним с задних фасов». И, развернув эти фасы, они открыли такой огонь, что неприятель, неистово-опрометчивый в своих наскоках, сам не знал, что с собою делать! И один ли этот случай в продолжении Бородинского сражения? Около 4-х часов пополудни я находился за последним резервом, где перевязывали раненых. Я проводил раненого брата и был свидетелем, как пилили ногу Алексею Николаевичу Бахметьеву. Вдруг видим вестфальцев. Огромные, как старинные богатыри, они выехали из лесу, их было немного — и стали. На вопрос «что вам надобно»? неприятельские воины, еще непленные, отвечали: «Мы ищем короля Неаполитанского, он должен быть здесь». Разумеется, их взяли, как баранов. Разрезать линию русскую можно, и бить русских

можно, но разбить и покорить мудрено! Я как теперь помню поле, которое тянулось от Бри-на к Аустерлицу. Оно усеяно было обломками линии — колоннами разобщенными, раздвинутыми, гонимыми. Но эти колонны наши с утра до вечера дрались и не поддавались, клали головы, не думая положить ружье! Одну, как теперь вижу, бьют, другая, пользуясь минутою, продирается вперед; налягут на ту, третья подвигается; и так все волновалось, мешалось и дралось! подобное было и у редантов Семеновских!..

Подоспел Бороздин, генерал-лейтенант с гренадерами 2-й дивизии, примчался, Коновницын, и первый — реданты, а последний — Семеновское отбили.

Маршалы, подкрепясь дивизиями Нансути и Латур-Мобура, опять завладели редантами и опять выбиты из них дивизиею Коновницына. В это время показывается 8-й корпус Жюно, и Ней отсылает его к Понятовскому с поручением действовать на промежуток (между корпусом Тучкова и левым крылом главной линии), не довольно защищенной. Граф Воронцов ранен; маршалы водят на ре-

данты, одну за другой, дивизии Кампана, Дес-секса, Фрияна, прибывшего позднее, Ледрю, Маршана, Разу и корпуса кавалерии. На левом крыле генерал Тучков 1-й оттеснен, оттесняет и смертельно ранен. Его атаковали дивизии: Заиончика, Княжевича и конница генерала Себастиани. С нашей стороны лес на старой Смоленской дороге и сказанный выше промежуток храбро защищал с стрелками князь Шаховской. Сражение, затихая и возгораясь, продолжается у редантов и за реданты. Тучков 4-й убит при среднем. Мюрат с целою громадою конницы наехал прямо на окопы; князь Голицын объехал его сбоку. Рубка ужасная! Все это деялось еще до полудня. Неприятель приутих. Тишина перед бурей!!!

Раздражаясь неудачами, Наполеон сосредоточивает 400 пушек и много пехоты, много кавалерии. С нашей стороны выдвинуты резервы и перед ними тянутся 300 орудий.

Все это на левом крыле, все перед теми же роковыми редантами!

Французы дерутся жестоко, дерутся отчаянно, 700 пушек гремят на одной квадратной версте; бой кипит; спорные окопы облиты

кровью, переходят из рук в руки и... остаются за неприятелем!

Тогда раздается повсеместное «ура!» на линии русской, сам Багратион ведет свое левое крыло в штыки. Бой невероятный! Люди олютели; пушки лопались от разгорячения; зарядные ящики взлетают на воздух. Кони без седоков ржут и бегают оседланными табунами. Все было кровь и сеча в огненной атмосфере этого сражения. Багратион ранен. Стадо остается без пастыря; но Коновнидын собирает войска, это было уже в 1-м часу дня, и уходит на высоты, построив их между Семеновским каре Измайловского и Литовского полков, к которым Васильчиков пристроил остатки своей и Неверовского дивизий.

Тут же собрались остатки дивизий Воронцова и принца Мекленбургского. Измайловский и Литовский полки, став эшелонами в каре, отражают тяжелый натиск железных людей (*gens de fer*): так называл Наполеон своих кирасир; а кирасиры Бороздина (генерал-майора) и Кретова удачною атакою сгоняют с поля неприятеля, расстроенного батальным огнем гвардейских каре. Чтоб дать луч-

шее понятие о троекратном приступе маршалов к редантам, я прилагаю самую краткую записку, из которой можно увидеть последовательный ход предприятий у редантов Семеновских.

ПЕРВОЕ НАПАДЕНИЕ (НА РЕДАНТЫ) МАРШАЛОВ

Между 6-м и 7-м часами утра войска Наполеоновы на обоих крылах начали вступать в сражение.

Главные силы направлены к редантам Семеновским. Маршал Даву изготовил к атаке две дивизии: Кампана и Дессекса, пустя впереди их батареи. Намерение было: прокравшись чрез леса, ударить на реданты с тылу. Переход через лес представлял много препятствий. Наконец войска вышли, кинулись на реданты и овладели одним. Но гренадеры Воронцова и дивизия 27-я Неверовского выбили неприятеля.

Наполеон усугубляет силы присоединением Нея к Даву. Дивизия Ледрю идет впереди, Маршан и Разу с своими за нею. 8-й корпус Жюно, из вестфальцев, следует за 3-м. Туда же и Мюрат направляет: Пансути (1-й кавал.

кор.), Монбрена (2-й кавал. кор.) и Латур-Мобура (4-й кавал. кор.) вслед за маршалами. Разумеется, все, что ни делалось, делалось с разрешения или приказа самого Наполеона.

Князь Багратион, видя массы неприятельские, спешит подкрепить свое левое крыло. У Тучкова 1-го взята 3-я дивизия Коновницына. 2-я кирасирская выдвинута перед дер. Семеновскою. Кутузов, с тою же заботливостью о левом крыле, присылает в подмогу ему три кирасирских полка и 8 орудий конной гвардейской артиллерии с полковником Козеным. И вслед за этими отряжены туда же полки Измайловский и Литовский, покрывшие себя славою. И 2-й пехотный корпус (Баговута) переведен также на левое крыло.

Но все это не помешало трем французским дивизиям, Кампана, Дессекса и Ледрю, подступить и кинуться на реданты и завладеть одним. Сводные гренадеры идут драться за свой окоп. Граф Сиверс подводит полки: Новороссийский драгунский, Ахтырский гусарский и Литовский уланский, да несколько конных орудий, и неприятель выбит и гоним. Дивизия Маршана и бригада Бермана поддер-

живают своих. Тут граф Воронцов ранен.

ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ МАРШАЛОВ НА РЕДАНТЫ

Наполеон велит, и маршалы опять приступают к редантам. Дивизия (27) Неверовского несколько раз их отражает. Дорохов, с конницей, рубит и врубается. Но все-таки французы овладевают укреплениями между 10-м и 11-м часами утра. Генерал Дюфур взял деревню Семеновскую. Но Коновницын и Бороздин лишают всех успехов неприятеля. Тогда Ней, пустив вперед дивизию Разу с корпусами Нансути и Латур-Мобура, идет и берет реданты. Но Коновницын наступает и отнимает.

ТРЕТЬЕ НАПАДЕНИЕ МАРШАЛОВ

Колонны неприятельские роились в поле, 400 орудий покровительствовали им. Картечь наших 300 пушек не могла остановить их. Они падали, сжимались и шли! Тогда Багратион ведет все левое крыло в штыки. Сшиблись, освирепели и дрались до упаду! Багратион ранен. Реданты в руках французов. Нансути и Латур несутся, чтобы отсечь левое крыло от середины главной линии нашей. Карегвардейские отражают атаку. Бороздин и Кре-

тов, уже раненный, с полками громких имен: Екатеринославским и Орденским кирасирскими, прогоняют тучи неприятельской кавалерии за овраг. Кончились атаки маршалов, и позднее один Ней, исполняя мысль Наполеона, с двумя корпусами пехоты и двумя кавалерии, повел свою огромную атаку на середину нашей линии. Наши колонны встретились, сшиблись и дрались с Неем отчаянно.

Между тем, отражаемый на левом крыле, и это было уже около 2-го часа пополудни, неприятель, неутомимый в предприятиях, потянулся против нашего центра. Вице-король выслал, с своей стороны, большие силы и, чрез совокупную атаку, захвачен большой люнет, важнейший пункт центра. Ермолов и Кутайсов, понимая всю важность срединного пункта, в котором вице-король хотел прорвать нашу линию, понимая всю опасность положения русской армии, не стерпели потери и, взяв один батальон Уфимского полка, идут и отбивают люнет. Генерал Бонами, захвативший укрепление, сам захвачен. Вице-король отвел войска, но навел выстрелы многочисленной артиллерии. Батареи стреля-

лись с батареями несколько часов сряду. Это был истинный поединок батарей! Желая отвлечь избыток сил неприятельских от левого крыла нашего, что, может быть, должно было сделать еще накануне, Кутузов посылает Уварова с своего правого крыла атаковать левое крыло французское. Атака эта не произвела ничего решительного в частном, но последствия ее были весьма важны для целого. Критическая минута выиграна! Наполеон задумался: наше левое крыло вздохнуло! Вице-король, отвлеченный на минуту выездом Уварова, спешит опять к своему месту, соединяет огромные силы и батареи против нашего центра, идет и берет большой люнет. Этот полудержавный воин, сам, с своим штабом, со шпагою в руках, вошел в укрепление, которому предлагал сдачу, нашими отвергнутую. Люнет в другой раз остается за французами; но войска наши: дивизии Капцевича, Бахметьева 2-го, Бахметьева 1-го и остатки дивизий Паскевича и Лихачева стоят за Горецким оврагом целы и готовы к бою. Милорадович заменяет Дохтурова, посланного командовать вместо Багратиона, делает приличный обсто-

ательствам поворот на оси и устраивает, на картечный выстрел, батареи, которые режут продольно потерянный люнет и толпящиеся около него войска французские. Многие и, с первого взгляда, как будто дельно пеняют Наполеону, почему не подкрепил он частных усилий маршалов всеми силами своей гвардии? Конечно, свежие 25 000 могли бы наде- лать много шума; но что же осталось бы тогда у Наполеона? Ровно ничего! Пустив гвардию, он бросил бы в роковую чашу судеб послед- ную свою лепту. У нас после дела осталось еще не участвовавших в деле 11 батальонов и 6 артиллерийских рот; наши казаки (более 10 000) с своим знаменитым атаманом были еще свежи и бодры; в наших двух ополчениях (Московское и Смоленское) можно было на- считать до 20 000. Если бы все это с разных сторон, с одним кличем: «Москва и Россия!» кинулось в общую сечу, бог знает, на чью сто- рону склонились бы весы правды? Всего веро- ятнее, могло случиться, что к Москве не до- шли бы ни французы, ни русские, а явились бы, под стенами столицы, обломки двух ар- мий, в толпах, пестрых составом и вооруже-

нием. Обе армии, если б дошло до крайности, могли разложиться. Но потеря армии, потеря великая, еще не составила бы потери России, которая могла дать новую армию. И, отступая, мы сближались с нашими средствами, к нашим резервам; а Наполеон?! Пустит ли он свою гвардию, и сгорит эта гвардия в общем разгаре Бородинского пожара, с чем дошел бы он до Москвы и на что мог бы опереться при своих предложениях о мире? Не знаю, что после этого должно сделать: порицать ли Наполеона за его нерешительность или хвалить за благоразумное сбережение резервов. По крайней мере Кутузов в своем приказе накануне Бородина говорит: «Генерал, умевший сберечь свои резервы, еще не побежден!» Не подслушал ли Наполеон этих слов мудрого старца?

И ВОТ УЖЕ 4 ЧАСА ПОПОЛУДНИ!..

В это время Наполеон, производя лично обозрение линий, направляет удар на наш фронт (Une charge de front). Его кавалерия, большею частью латники, несется на нашу пехоту, — и отбита.

В 5 ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Все наши реданты и большой люнет решительно и уже не в первый раз захвачены. Французы синим шарфом опоясали позицию от Утицы через Семеновское. Но две массы русских войск еще целы: одна на высотах Семеновских, другая за курганом Горецким.

Барклай и Бенигсен, прискакав еще прежде на место разгрома, загнули наше левое крыло крюком, уперли его в лес, таивший в себе ополчение, и тем усилились и обезопасились от дальнейших обходов и новых покушений Нея. А Ней, пока все это происходит, отправляется добывать себе титул князя Москворецкого[7] и, в намерении загнать наших в Москву-реку, берет с собой все, что ни находит под рукою справа и слева. Он успел, как говорили, сосредоточить шестьдесят батальонов пехоты и более 100 эскадронов кавалерии, со множеством пушек. С этою массою, огромною, как иная армия, направляется он на центральную нашу батарею, грозя разрезать армию пополам. Не та ли это атака, о которой Наполеон в 18-м бюллетене говорит: «Император велел повести атаку правым крылом на фронте: сим движением отняли

мы 3/4 поля у неприятеля». Войска Нея и наши, уже бежавшие к ним навстречу, сшиблись и расшиблись. Смешанные толпы боролись, резались, уничтожались... Такое взаимное разрушение продолжалось около двух часов.

УЖЕ БЫЛО 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Есть люди, которые стараются доказать, что сражение Бородинское притихло, зачахло, даже, как они выражаются, «замерло» еще в 4 часа пополудни. С того же времени до 9-ти вечера (целых 5 часов!) продолжалась только пушечная пальба. На это да позволено будет сделать несколько вопросов: что ж делали войска, если действовали одни батареи? Что ж делал Наполеон? Согласимся с теми, которые говорят, будто с утра стоял он (в положении бесстрастном), скрестя руки на груди. Но они же сами соглашаются со всеми другими, что в 4 часа пополудни он (Наполеон) лично выехал на линию и обозревал положение дел. Продолжаем вопросы: к чему ж был этот выезд? К чему это обозрение? Разве он выехал для того, чтобы кончить, а не продолжать? Тогда как сам[8] хотел даже повторить сраже-

ние! Если Наполеон (этот оборотливый, деятельный, пылкий воин) не делал ничего, то что ж делали наши? Ужели, под воздушным поединком батарей, полки и дивизии стояли спустя ружья? Нет! Всякий, кто действительно был и варился в кипятке Бородинского сражения, согласится, что не только 5 часов (от 4-х до 9-ти вечера), но и 5-ти часовых четвертей не было совершенно праздного времени в битве, где дрались почти без передышки. Иначе откуда последовала бы такая огромная, с обеих сторон, потеря в людях?.. И зачем Наполеону вдруг прекратить линейное сражение (кроме артиллерии) именно тогда (в 4 часа пополудни), когда он оттеснил (польскими войсками) корпус Тучкова 1-го, овладел через посредство маршалов всеми (так дорого стоившими) редантами Семеновскими, обеспечился на счет левого своего крыла (после попытки Уварова) и имел за собою наш центральный люнет? Наполеон был человек нрава крутого и не имел, кажется, обычая так великодушно останавливаться среди успехов, хотя и не дешево купленных.

Из свода этих вопросов само собою следу-

ет, что сражение, в котором умирали тысячи, и после 4-х часов за полдень не замирало и не замерло, а продолжалось, разумеется, с большим или меньшим напором с той или другой стороны. Наполеон и Кутузов не уставали соображать, не переставали действовать. Наполеон направлял атаку (charge de front) срединную. Ней двигался с огромными силами. А что делал Кутузов? Полководцы встретились на одной мысли. Каждый метил своему противнику в грудь!.. Кутузов (и это было позже 4-х часов пополудни), усмотрев, что пехота французская стянута на крылья, а центр неприятеля разжидел и состоял из одной почти кавалерии, предпринял нанести удар на этот центр и нарядил несколько полков пехоты (менее пострадавшей из полков гвардейских) и часть кавалерии для этого дела. Наполеон понял опасность такого предприятия и решился двинуть вперед часть молодой гвардии. Удайся это движение, Кутузов превратил бы свое положение оборонительное в наступательное. Он уже и сделал было попытку к этому, выслав Уварова, которому велел сказать: «Напасть и пропасть, если необходимо!»

В то же время к Дохтурову на левое крыло послал своеручную записку карандашом: «Стоять до последней крайности!» Из таких распоряжений, твердых, решительных, видно, что сражение Бородинское было битва на жизнь или на смерть и что прекратить ее могло только одно наступление ночи. Отчего ж иные пишут: «С 4-х часов пополудни вообще видно было всеобщее изнеможение: выстрелы час от часу редели, и битва замирала» — А между тем сами же говорят далее: «Ночь прекратила сражение; оно кончилось в 9 часов вечера». Я, с своей стороны, никак не мог решиться у 15-часового сражения Бородинского похитить пять часов великих жертвований и славы! В доказательство, что схватки, и схватки сильные, происходили на линии уже на исходе дня, я предлагаю взглянуть в книгу Любенкова[9]. Сказав: «Уже вечерело», он продолжает: «Густая колонна французских гренадер, до 5000 с красными распущенными знаменами, музыкою и барабанным боем, как черная громовая туча, неслась прямо на нас. Казалось, ей велено погибнуть или взять нашу батарею». Таких явлений не бывает, когда

сражение замерло!

Около 7-го часа вечера сражение, может быть, за общим изнуром сражающихся, мало-помалу ослабевало, но батареи еще гремели и громили. Под вечер Мюрат делает большую кавалерийскую атаку: это последняя вспышка догоравшего пожара, и французы занимают лес за Семеновским, откуда выбиты финляндцами. Настало 9 часов вечера, и не стало сражения Бородинского! Оно продолжалось 15 часов. Это сражение было генеральное и генеральское.

У французов:

Генералов убито 9, ранено 30.

Штаб- и обер-офицеров 1500.

Рядовых убито 20 000, ранено 40 000.

Наша потеря[10]:

Генералов убито 2, ранено 12.

Офицеров 800.

Рядовых убито 15 000, ранено 30 000.

Механизм этой огромной битвы был самый простой. Наполеон нападал, мы отражали. Нападение, отражение; опять нападение, опять отражение — вот и все!

Со стороны французов — порывы и сила;

со стороны русских — стойкость и мужество. Об этой битве можно сказать почти то же, что Веллингтон позднее сказал о битве при Ватерлоо: «Наполеон шел просто, по-старинному и разбит просто... по-старинному!» Мы только должны поставить вместо слова «разбит» другое: «отбит» и будет верно. О Кутузове можно сказать то же, что древние говорили о своем Зевсе: «Разбросав все свои громы в сражении с Титанами, он отражал неприятеля терпением!» О Наполеоне должно сказать его же собственными словами: «Роковое определение судеб увлекало его!..»

Я хотел было описать Бородинское сражение по часам, но слишком разнообразные показания о ходе его не позволили этого сделать. Всякий описывал с своей точки зрения, всякий рассказывал по-своему. Я сделал, что мог, согласив несогласных и приведя все по возможности в одну картину. Все писатели по крайней мере мне известные, о битве Бородинской соглашаются беспрекословно только в одном, что к половине дня неприятель приутих и вслед за тем выдвинул 400 пушек и усугубил жар нападения. В других частях опи-

сания одни с другими не согласны. Чтоб уяснить дело и представить в самых простых формах, в самом малом объеме, в нескольких строках главные виды Бородинского сражения, я помещаю здесь еще одну уцелевшую в бумагах моих выписку.

1

Густой лес, на нашем левом крыле, стал за своих и препятствовал быстроте наступления неприятельского; но в 7 часов утра главные силы его выказались боевыми колоннами. Понятовский идет в обход на старую Смоленскую дорогу. Маршалы (Ней и Даву) атакуют со 130 орудиями. Сводные гренадерские батальоны отстаивают батареи. Граф Воронцов ранен. Генерал-лейтенант Тучков отбрасывает поляков от старой Смоленской дороги и смертельно ранен. Неприятель захватывает реданты, Коновницын отбивает их назад. Тучков 4-й убит. Князь Голицын с кирасирами врубается во французскую конницу.

2

ПОЛДЕНЬ

Неприятель приутих. Но вскоре явился с 400 пушками и новыми силами. С нашей сто-

роны подвинули резервы и 300 пушек. Картина ужасная, бой ужасный! По жесточайшей пальбе все наше левое крыло идет в штыки. Все смешалось и обагрилось кровью.

БАГРАТИОН РАНЕН

Коновницын переводит войска за овраг Семеновский. Измайловский и Литовский полки отражают железных людей (*gens de fer*) Наполеоновых.

3

ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ

Между тем, испытав неудачи на левом нашем крыле, неприятель с великими силами тянется на наш центр и захватывает люнет. Генерал Бонами берет это укрепление; генералы Ермолов и Кутайсов отнимают его.

4

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОПОЛУДНИ

Наполеон атакует линии нашей пехоты своею кавалериею и отбит. Люнет взят (самим вице-королем) во второй раз.

5

ПЯТЬ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Почти все укрепления наши захвачены, но войска стоят твердою ногою и бьются до смер-

ти. Ней пытается еще раз счастье: собирает до 120 эскадронов и, подкрепясь многочисленной пехотой и артиллерией, бьет вразрез на центральную батарею.

6

ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Наполеон остановил свои порывы и как будто сделал шаг назад; но все еще в разных частях линии французы свирепствовали, многолюдствовали, губили и погибали. Многочисленная артиллерия гремела и громила.

7

В 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Французы отступают на прежние свои позиции[11]. С своей стороны, в дополнение к сказанному, я могу сказать только одно: битва Бородинская не должна идти в разряд ни с какою другою. В этой битве было по крайней мере 12 боев, и каждый, произведенный отдельно, мог бы перейти на страницы истории. Чтоб убедить вас в этом, я намекнул на самые бои. За Семеновские реданты было (разумеется, более значительных) 6 боев; за большой люнет — 2; у Тучкова (более жестоких) два. Выезд Уварова — одиннадцатый

бой; атака Нея на фронт, с огромными силами, — 12-й и один из самых замечательных боев. Я не хочу испортить четного числа причетом к нему всех кавалерийских выездов и схваток, всех пылких наскоков Мюрата с его 40 000 палашей и сабель[12]. Не причисляю сюда также и знаменитого отпорного боя, который выдержали Измайловские и Литовские каре против (тяжелой французской кавалерии) железных людей Наполеоновых.

Заключая сим приуготовительные статьи мои, я приступаю к описанию, в очерках, самого сражения. И если в этом описании найдете вы противоречия, найдете много смешанного, даже хаотического (и могло ли быть это иначе при таком положении дел, когда свои, как, напр., вестфальцы, стреляли по своим и неприятель разъезжал и гибнул в тылу некоторых корпусов наших), если найдете неясность в целом, неопределительность в действиях, нечто лабиринтическое в движениях и переездах: то не соблазняйте и верьте, что все это вместе составит истинную физиономию великой, смею сказать, в наше время беспримерной, гомерической битвы меж-

ду российской, из всех народов и племен России, и французскою армиею, из войск всех держав Западной Европы, битвы, происходившей 26-го августа 1812-го года, на поле Бородинском, на большой дороге к Москве, за право: быть или не быть Москве и России!

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

1

Позиция, в которой я остановился, при селе Бородине, в 12 верст впереди Можайска; одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства.

(Слова М. И. Кутузова в донесении его государю императору)

2

Сражение было общее и продолжалось до самой ночи.

(Донесение Кутузова)

3

Батареи переходили из рук в руки; неприятель, несмотря на превосходство сил, ничего не выиграл.

(Донесение Кутузова императору)

4

Баталия 26-го была самая кровопролитнейшая из всех, которые в новейших временах известны.

(Донесение Кутузова)

5

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек.

(Письма русского офицера)

6

Наши дрались как львы: это был ад, а не сражение.

(Последние слова раненого полковника)

7

Описание Бородинского сражения будет всегда несовершенным, какая бы кисть или перо ни предприняли начертать оное.

(Из книги «Русские и Наполеон Вонапарт»)

8

Сего дня будет сражение; а что такое сражение? Трагедия: сперва выставка лиц, потом игра страстей, а там развязка.

(Слова Наполеона графу Нарбану перед

сражением Бородинским)

26-го августа[13] был великий день битвы, беспримерной в новейшие времена. Великое сражение Бородинское начато в 6 часов утра правым крылом французов[14].

Генерал Сорбье, командир страшной батареи на правом фланге, подал вестовой знак; 120 орудий отвечали ему — и сражение закипело! В продолжение ночи сделан наскоро полевой окоп (epaulemant). Из-за него торжественно выехала длинная цепь орудий и, направляясь прямо на один из редантов, прикрывавших левое крыло наше, построилась в батарею и завела с ним жестокий обмен пальбы убийственной. Сражение загорелось с обеих сторон. Тридцать орудий под начальством генерала Перисти становится в голове дивизии Кампана, построенной в две большие колонны.

Утаивая несколько времени поход свой в густой опушке леса, первая из этих колонн наконец выказалась, кинулась прямо на один из редантов при Семеновском и завладела им сразу[15].

Но сам генерал Кампан ранен; русские,

сперва оттесненные, храбро воротились назад, кинулись на схватку и отняли свой редант, проводя французов на штыках до самого леса[16].

Тут-то одна бригада, из дивизии Дессекса, тянувшаяся по кустарникам, имея 108-й полк в голове, ударила на тот же редант сбоку, осыпала жестоким ружейным огнем русских кирасир, захвативших в смелом наскоке часть артиллерии Кампана, и заставила их расстаться со своею добычею. Кирасиры отступили, но тихо, стройно, жертвуя людьми порядку. Генерал Дессекс велел ударить еще раз на редант, и спорный окоп еще раз захвачен неприятелем[17]. Но перед глазами войск, выдержавших самый ужасный огонь с батареей русских, не стало и другого генерала: картечь раздробила руку Дессексу. Ашард, полковник 108-го полка, сбит русским ядром. Русские сделали еще один натиск, и редант опять в руках у своих!..[18] Множество трупов уже валялось около этого спорного окопа, так быстро из рук в руки переходившего. Тогда-то двинулись дивизии 3-го корпуса. Наполеон приказал Нею пристроиться к левому флангу Даву.

Маршал Ней сформировал своих в колонны в атаке, а 8-й корпус (Жюно), построенный в две линии, следовал за ними поодаль, в виде подкрепления. Множество русских стрелков сидели по лесам и перелескам. Нелегко подойти к нашему левому флангу! Нападающие должны проходить по захолустьям, рытвинам и кустарникам, где нет проложенных дорог, и, выходя из чащи, формироваться под картечью русских! Зато головы колонн французских не раз ныряли обратно в лес. При первом нападении на реданты под Даву убита лошадь и сам он контужен. Мюрат, услышав о том, уже прискакал было занять место маршала; но маршал не сдал команды и продолжал сражаться сам.

Дивизия Ледрю вспугнула все войско наших стрелков и живо оттеснила их назад; потом сама, с отличным мужеством, кинулась на один из редантов, который между тем был уже преодолеваем повторным нападением войск из дивизии Кампана. Полки 24-й пехотный и 57-й линейный, кучею, кто откуда смог, ворвались в редант, за который происходила драка[19].

Русские, после первого изумления, воротились опять отнимать свой окоп; но 25-я дивизия поспешила на помощь к 10-й, и русские опять отражены!..

Удачная атака 14-й кавалерийской бригады завершила успех пехоты.

В это же время дивизия Разу овладела вторым редантом[20]. На этом приостановился жаркий спор за реданты на левом крыле нашем. Было уже семь часов утра. Весь план неприятельской атаки развернулся; массы его стали видны в поле. Ней, под выстрелами огромной батареи, со стороны Шевардина, протянулся, как мы уже упомянули, мимо левого крыла Даву, имея в голове дивизию Ледрю. За нею шли дивизии Маршана и Разу. Последняя, как пришла, кинулась и овладела редантом!

Притихавшая на минуту на нашем левом крыле битва позволила яснее слышать гром другого боя, уже возгоревшего у нас направо. На главной батарее опять подан знак. Д'Антуар понял его, и артиллерия левого французского крыла дохнула бурей на наше правое. Ядра взвихрились и заскакали на вы-

сотах Бородина. Битва началась и на правом крыле. Можно бы сказать, что Наполеон хотел заломить вдруг оба крыла у нашего орла! Под кипящими выстрелами своей артиллерии 106-й полк бросился в село Бородино, где ночевали гвардейские егеря (лейб-гвардии егерский полк) под начальством храброго полковника Бистрома. Этот достойный воин, впоследствии названный первым генералом и первым солдатом[21], по крайней мере с час выдерживал напор неприятеля. Наконец, когда большая часть офицеров переранены, егеря отступили. Бородино горело, — и наши, преследуемые по пятам французами, перебрались за Колочу. В этой страшной схватке убит генерал Плозен. 106-й полк, увлекшись успехом, гонится за русскими, перебегает через мосты на Колоче и, сам не зная как, является под самыми батареями на высотах Горецких. С батареи при Горках осыпали смельчаков ядрами. Между тем русские гвардейские егеря, придя в порядок, воротились, кинулись на дерзких и, подкрепленные 19-м и 40-м егерскими же полками с полковниками Карненковым и Вуичем, разбили в пути и отбросили

за Колочу 106-й, принятый на руки 92-м полком, кинувшимся к нему на подмогу. Буасероль утвердился в Бородине. Судя по этому напору, Кутузов мог опасаться несколько и за свое правое крыло. Позднее только осмелился он его ослабить.

И между тем как с таким остервенением дрались на правом и левом крылах, не менее кровопролитный бой возгорался на центре позиции. Вице-король с величайшим трудом выжил стрелков 2-й и 26-й дивизий, которые, рассыпавшись по кустарникам, всемерно затрудняли шествие колонн французских, и вдруг, выхлынув из закрытых мест, появился в поле прямо против большой батареи, или люнета. Он захватил Бородино и по четырем мостам, наведенным генералом Паутвенем в ночи, между Бородиным и Алексинкою, перешел Колочу. С ним перешли и явились в боевом порядке его дивизии. Дивизия Бруссье, переправясь за Колочу и не стерпя огня русского, спряталась в ров, залегла и лежала между Бородиным и люнетом. Дивизия же Морана, поддержанная дивизиею Жерара, нынешнего маршала Франции, утвердилась

на высоте, против самого люнета. За вице-королем перешел и корпус Груши. Один Орнано с легкою кавалериею оставлен для наблюдения за оконечностию левого крыла, к Захарьину и Новому, за Войною. Множество колонн засинелось в этом месте поля, и, отделясь от других, дивизия Морана, с удивительною самонадеянностью, пошла вперед под бурею картечи против дивизии Паскевича, которая, отразив двукратно неприятеля, наконец подавлена превосходным числом и не могла выдержать натиска. Тогда генерал Бонами с 30-м линейным вскочил на люнет, размахивая саблею.

И вот 9 часов утра! В таком положении были дела в этом начальном периоде битвы. В 6 часов она началась, в 9 пылала в полном разгаре. Все пружины заведены, все колеса тронуты. Наполеон пустил в ход свою могучую волю, и машина была в полной игре! Даву и Ней жестоко воевали под Семеновским. Поговорим опять о редантах. В продолжение доброго часа маршалы нападали, русские крепились. Сумские и Мариупольские гусары и Курляндские и Оренбургские драгуны с гене-

ралом Дороховым выстаивали с честью против всех строптивых наскоков неприятеля. Ничто не помогло! Около 10-ти часов утра все три реданта (или флеша) при Семеновском схвачены так нагло, так быстро, что русские не успели свезти с них пушек. Генерал Дюфур (подкрепленный Фрияном) кинулся через овраг и подошел даже к Семеновскому. Тут можно было подумать, что французы разрезали нашу армию; но это ненадолго! Немного праздновали неприятели! Полки гренадерские: Киевский, Астраханский, Сибирский и Московский уже ревели ура!.. Четыре стены приближались, неся ружье наперевес!.. Сошлись и кинулись колотиться!.. Генерал-лейтенант Бороздин 1-й предводительствовал ими. Гренадеры, работая штыком и прикладом, выжили французов из гнезд, в которых они не успели еще отсидеться. Но тут ранен принц Карл Мекленбургский, которого так любили жители смоленские, когда он был у них на постое с своим прекрасным Московским полком; тут ранен полковник Шатилов; а полковник (Астраханского гренадерского полка) Буксгевден получил три раны и шел

все вперед, пока взошел на батарею и лег мертвым, но победителем, со многими другими офицерами. И такая резкая неудача со стороны французов не остановила маршалов. Они выпустили новые колонны пехоты и подперли их конницею Нансути и Мобурга. Мы уже отчасти рассказали и, еще где придется, рассказывать будем о этих напорах масс, этих налетных схватках и наскоках кавалерии, этом непрерывном гуле артиллерии, громившей с редантов и по редантам. В мятеже такой битвы, как Бородинская, нельзя удержаться в пределах рассказа правильного, безмятежного. Могут случиться и повторения, просим заранее извинить нас! Рассказ, как и самое сражение, невольно увлекаясь обстоятельствами, переносится с места на место и часто запутывается прежде, нежели успеешь то заметить! Итак, французы опять пошли на реданты и опять их захватили, и опять, прежде чем могли натешиться добытым, Коновницын выбил их штыками своей дивизии и прогнал в лес! Тут навалены кучами убитые и раненые. В числе первых лежал начальник корпусного штаба генерал Ромеф.

Видали ль вы, в портрете, генерала молодого, с станом Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом, когда есть при том что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особливо на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет (теперь уже имел!) сердце, имеет воображение; умеет и в военном мундире мечтать и задумываться! Посмотрите, как его красивая голова готова склониться на руку и предаться длинному, длинному ряду мыслей!.. Но в живом разговоре о судьбе отечества в нем закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы и шел наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в эполетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданта. Под деревнею Семеновскою, у ручья, по названию Огника, под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!» Солдаты, которым стегало в ли-

цо свинцовым дождем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» Схватил знамя — и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убитый, взрыло, взбуравило землю и выброшенными глыбами погребло тело генерала. Такого же погребения удостоился, может быть, и Кутайсов, которого остатков не могли доискаться! Около этой поры смертельно ранен и старший брат убитого (отличный воин) Тучков 1-й... На этом же месте и в это же время тяжело ранены полковники: Дризен, Ушаков и Монахтин, которого слова поместил я между эпитафиями к моим «Очеркам».

Итак, вот рассказ краткий, неполный о битвах за реданты Семеновские. Скрепим его некоторыми подробностями и еще раз (не пеняйте за повторение) поговорим о делах на этом важном пункте так, как говорят о них французы. Более всего я хотел бы избежать упрека в односторонности.

Когда большой редут (Раевского батарея) на правом (или, вернее сказать, в центре) в

первый раз и реданты на левом крыле уже по несколько раз захвачены: «Подоспей Монбрен», говорили французы, полагая, что успели прорезать нашу линию, «подоспей он с своею кавалериею — и сражение будет наше!» Монбрен подоспел, и провидение подоспело! Едва отдал он приказание ударить на Семеновское, ядро, пущенное с бокового редута, срезало генерала с лошади, и войска остались без предводителя! Им начался длинный ряд тех, которые погибли, добывая страшный редут. Генерал Моран тяжело ранен. Ланаберт занял его место, и Ланаберт убит! Коленкур, гораздо позднее, заступает место Монбрена во всем: в успехе и смерти. Но мы доскажем после о блестящей атаке и роковой судьбе молодого генерала. Прежде всех, здесь названных, как нам уже известно, генерал Бонами, первый, вскочивший в центральный редут, получил, как говорят французы, 21 рану штыками и взят в плен. Солдаты наши, дивясь его храбрости, сочли его за Мюрата.

Большой центральный редут был решительно захвачен. Синие и пестрые толпы французов суетились около пушек; но два че-

ловека, постигнув всю важность потери и рассуждая, что отнятое центральное укрепление может, оставшись долее в руках неприятеля, решить судьбу целого дня и отворить ворота в самом центре линии, положили по мере отнять опять редут и с ним ключ позиции. Поле далеко было покрыто рассеянными единицами. Два человека, о которых мы сказали, взяли третий баталион Уфимского полка из корпуса Дохтурова и повели его к цели. Одного из этих храбрых видел я накануне на большой батарее при Бородине. Он был еще в цветущих летах, с привлекательными чертами лица; товарищи и подчиненные не могли налюбоваться его храбростию, его воинскими дарованиями. Глядя на него, так легко было вспомнить о молодом паладине средних веков! И тем легче, тем естественнее, что великая битва, где ратовало рыцарство, закованное в железо, битва при Креси, происходила в то же самое число, 26 августа 1346 года, как и наша Бородинская! Юность, осанка, мужество, все соединялось в живом, бодром воине: это был граф Кутайсов — командир всей артиллерии при Бородине. Другой, в летах бо-

лее зрелых, осанистый, могучий, с атлетическими формами, с лицом и мужеством львиным, ехал рядом с названным выше воином. Им был генерал Ермолов, тогдашний начальник штаба. Оба в мундирах конной артиллерии. Не успели они двинуться с места, как пример их начал действовать благотворно. Единицы стали быстро соединяться в десятки, сотни, тысячи, и скоро увидели колонну, которая не уступала в длине и плотности знаменитой колонне в битве Фонтенейской. Но эта самосоставная колонна, из солдат разных служб, разных полков, разных мундиров, не имела никакого единства, никакой правильности. У ней было, однако же, единство цели! Два мужественных вождя, далеко впереди всех, вели эту толпу храбрых. Французы, незаконные владельцы редута, видели приближающуюся бурю и не дремали на своих трофеях. С фасов редута засверкал ужасный огонь. Великодушная колонна редела, волновалась. Была минута, солдаты задумались, остановились. И тут-то Ермолов употребил средство, о котором рассказ и теперь остается в числе любимых солдатских преданий о незабвен-

ном дне[22]. По обдуманному ли намерению или нечаянно у него, как у начальника штаба, случился запас Георгиевских солдатских крестов в мундирном кармане. Воспользовавшись минутою, он вынул горсть крестов, закричал: «Ребята, за нами! Кто дойдет, тот возьмет!» И вслед за тем начал кидать кресты далеко впереди себя. Это средство обаятельно подействовало на солдат: они кинулись к крестам и пошли вперед! Генералы подвигались скоро, кресты мелькали, толпа бежала, «ура!» гремело. И таким образом, от креста до креста, подошли к самому редуту. Редут зевнул дымом и пламенем, выслал бурю картечи, брызнул косым дождем пуль; ряды пали, другие стеснились и ворвались в укрепление. Из двух предводителей не досчитались одного: граф Кутайсов исчез! Россия и товарищи не могли предать земле с честью его тела, которого не доискались под грудями убитых; только верный конь его прибежал к своим. Генерал-майор Ермолов ранен в шею, но продолжал сражаться.

Мы занялись исключительно повествованием о блистательном подвиге двух предво-

дителей огромной самодельной колонны; но историческая верность требует рассказать, из кого и как она составилаь. В одно время с Уфимским баталионом генерал Паскевич ударил в левое крыло французов. В то же время генерал Васильчиков с некоторыми полками 12-й дивизии штурмовал редут справа, и в то же время еще один генерал, захватя остальные полки той же 12-й дивизии, обогнул редут сзади.

Этим движением угрожал он отрезать французов от войск Морана, оставшихся на поляне. Генерал, сделавший такое искусное движение, был один из тех, которых воинские дарования расцвели во всей красе в продолжение войны отечественной. Если я скажу, что он, страшный неприятелю и приветливый к своим, пользовался необыкновенною любовью своего Орловского полка, своей 26-й дивизии, то люди XII-го года тотчас угадают, что это был генерал Паскевич... Редут претерпевал осаду и штурм. Соединенные усилия восторжествовали: 30-й линейный полк выбит из окопа, сбит с поля и взброшен на дивизию Морана. В редуте всхолмились

кучи убитых и раненых: между последними взят и Бонами. Остатки 30-го полка жестоко преследованы эскадронами Корфа. Их выслал туда вместе с двумя полками драгун, Сибирским и Иркутским, генерал Барклай-де-Толли. Неутомимый неприятель делал разные попытки, которые мы схватим хотя в слабых оттенках.

Усиленная резервами конница французская следовала по пятам за нашею. Вдруг кидается она в промежутки колонн и пехотных каре и является в тылу 4-го и 6-го корпусов. Но храбрые наши не замешались. Задние фасы каре зажглись, и по ним побежал такой батальный огонь, что неприятель, далеко занесшийся, готов был спрятаться под землю. Видя успех пехоты, кавалерия наша бьет неприятельскую и гонит ее неотступно, пока она не скрылась за стенами своей пехоты; но не успело поле отдохнуть и очиститься, как заревели обе артиллерии. И между тем как с обеих сторон валились люди, конница французская раз за разом взбегала на поле и схватывалась с нашею, то расшибая, то расшибаясь, в это время и в этих же местах распоряжался

генерал Барклай-де-Толли. Михаило Богданович Барклай-де-Толли, главнокомандующий 1-ю западною армиею и военный министр в то время, человек исторический, действовал в день Бородинской битвы с необыкновенным самоотвержением. Ему надлежало одержать две победы, и, кажется, он одержал их! Последняя, над самим собою, важнейшая! Нельзя было смотреть без особенного чувства уважения, как этот человек, силою воли и нравственных правил, ставил себя выше природы человеческой! С ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы Бородинской, втеснялся он в самые опасные места. Белый конь полководца отличался издалека под черными клубами дыма. На его челе, обнаженном от волос, на его лице, честном, спокойном, отличавшемся неподвижностью черт, и в глазах, полных рассудительности, выражались присутствие духа, стойкость непоколебимая и дума важная. Напрасно искали в нем игры страстей, искажающих лицо, высказывающих тревогу души! Он все затаил в себе, кроме любви к общему делу. Везде являлся он подчиненным покорным, воена-

чальником опытным. Множество офицеров переранено, перебито около него: он сохранен какою-то высшею десницею. Я сам слышал, как офицеры и даже солдаты говорили, указывая на почтенного своего вождя: «Он ищет смерти!» Но смерть бежит скорее за теми, которые от нее убегают. 16 ран, в разное время им полученных, весь ход службы и благородное самоотвержение привлекали невольное уважение к Михаилу Богдановичу. Он мог ошибаться, но не обманывать. В этом был всякий уверен, даже в ту эпоху, когда он вел отступательную, или, как некто хорошо сказал, «войну завлекательную!» Никто не думал, чтобы он заводил наши армии к цели погибельной. Только русскому сердцу не терпелось, только оно, слыша вопли отечества, просилось, рвалось на битву. Но предводитель отступления имел одну цель: вести войну скифов и заводить как можно далее предводителя нашествия. В другой стороне был другой человек, которого усвоила себе история, который, без связей и отношений в России, одним личным достоинством, вынудил всеобщее уважение у современников; я не го-

ворю уже о потомстве: оно не смотрит на отношения и ценит одни дела. Не спрашивая, можно было догадаться, при первом взгляде на его физиономию, чисто восточную, что род его происходит из какой-нибудь области Грузии, и этот род был из самых знаменитых по ту сторону Кавказа. Это был один из родов царственных. Но время и обстоятельства взяли у него все, кроме символического герба наследственного. Одному из потомков предоставлено было, в незабвенную эпоху побед суворовских, освежить свое родословное древо прекрасным солнцем и воздухом Италии и окропить для бессмертия корни его своею благородною кровию в день борьбы беспримерной за жизнь и бытие России. Этот человек и был и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно. В его лице были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если б разговор его и не показался вам усеянным приметами ума, то все ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, по-

тому что ум, когда он говорил о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привыкли искать хитрости, которую любили ему приписывать. На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его, — и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные, и другие мелочные особенности приходили в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился генералом красным[23]. Глаза его сияли; он командовал и в бурке, с нагайкою, на простом донце, несся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином. Это был наш князь Багратион!

Видя, что неприятель сгустил слишком много войск против нашего левого крыла, он приказал Тучкову подкрепить дивизии Воронцова и Неверовского дивизиею Коновницына. Трое храбрых собрались в этом пункте. В то же время отдал приказание кирасирам Дуки переехать за ручей Семеновский и стать перед деревнею на поляне.

С своей стороны, Кутузов, видя, в чем дело, вывел из резерва кирасирские полки, придал им 8 орудий конной артиллерии и весь отряд направил на Семеновское, где он установился за 2-ю кирасирскою дивизиею. Не довольствуясь одним, прозорливый главнокомандующий послал еще другое подкрепление действующему и вместе страждущему левому крылу. Измайловский и Литовский гвардейские полки, сводная гвардейская бригада и артиллерийские его высочества и Аракчеева роты пущены к концу линии влево, где крутились дымные вихри сражения. Чтоб утолстить еще более наше левое крыло, не боясь за правое, Кутузов приказал полковнику Толю перевести весь корпус Багговута и длинную цепь пушек — батарею в 36 орудий — справа налево. Артиллерийский резерв выдвинул туда же многие из своих батарей из Псарева. Все шло, все ехало, все мчалось к Семеновскому; все вихрилось около этого места. Всякий хотел владеть ключом позиции.

Мы уже рассказали, как французы, сначала застенчиво выказываясь из лесов, наконец вынырнули и понеслись на реданты. Но там

был Воронцов, генерал молодой, знатный, мужественный; он покорял сердца своих сослуживцев и не хотел дать неприятелю покорить вверенные защите его укрепления. Пехота и артиллерия русская, молча, остолбенев, но взводя курки и подняв фитили, выжидали приближения французов. Страшно идти на неприятеля, который не стреляет!.. Но французы шли... Русская линия брызнула им прямо в лицо целым дождем пуль и картечи!.. Французы облились кровью и не остановились. Как бешеные, кинулись они в промежутки редантов и захватили второй из трех!.. Сводные воронцовские батальоны, слушая голос любимого генерала, сжимались в колонны и кидались на неприятеля с штыком и прикладом. Их подкрепляли полки бесстрашного Неверовского, кирасиры мужественного Дуки. К дивизиям Ледрю и Маршана подвели легкоконную бригаду Бермана и другую Брюера. Тут все схватилось, все обдалось кровью!.. С обеих сторон рубились с каким-то наслаждением, хвастались упрямством и отвагою! Сеча продолжалась, а реданты, переходя, как мы уже видели, из рук в руки, наконец,

по-видимому, упрочились за французами.

Но Багратион во что бы то ни стало захотел отнять опять реданты, в которых уже хозяйничали войска Нея и Даву. Он окликнул все свои резервы, даже полки гвардейские. Огромное столпление баталионов и конницы запестрело в поле. Ней, обдержанный в сечах, видит бурю и не колеблется. Оборотясь к ординарцу своему Готпулю, маршал сказал: «Донесите императору, что неприятель собрал слишком значительные силы: не надобно ль меня подкрепить»? Но посланный еще не доехал до места, как поле заговорило под копытами многочисленной кавалерии. Впереди всех несся всадник в своем живописном наряде: за ним волновалась целая река его конницы. Казалось, который-нибудь из средних веков выслал сюда все свое рыцарство! Могучие всадники, в желтых и серебряных латах, на крепких конях, слились в живые медные стены. Тысячи конских хвостов, пуки разноцветных перьев гуляли по воздуху. И вся эта звонко-железная толпа неслась за Мюратом.

Наполеон велел посмотреть ему, что делается у редантов. Он прибыл, дал знак, и вой-

ска французские врываются опять во второй из редантов, откуда их перед тем вытеснили. Русские кирасиры бросаются на отчаянную пехоту, но жестокий ружейный огонь удерживает пыл их, а 1-я бригада из дивизии Брюера оттесняет назад. Между тем реданты все составляют мишень для артиллерии, все цель и предмет для местной войны, и на соседний редант идет пехота русская. Полки Виртембергские, из бригады Бермана, скачут навстречу и не пускают идущую. Весь 1-й кавалерийский корпус понесся и обогнул реданты с тылу. И вот три окопа, как три острова, тонут в живом разливе кавалерии: целая туча конских хвостов плавает по воздуху, тысячи голов толпятся у подножия редантов. Артиллерия французская коронует их! Тут и 4-й кавалерийский корпус получил приказание выдвинуться из линии, перейти овраг Семеновский и ударить на русские пушки в деревне этого имени. Нет пера, которое могло бы передать все сцены при деревне Семеновской!

Оставим еще раз Вентурини сказать несколько слов об этом моменте: «Русские пушкари были примерно верны своему долгу.

Брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонир отмахивался другою. У подножия редантов лежали русские, немцы и французы. Истекая кровью, они еще язвили друг друга, чем кому было можно. Иные, как говорят, грызлись зубами!»

Артиллерия наша вообще имела почти независимую свою деятельность в сражении Бородинском. И между тем как во рвах, перелесках, у подножия укреплений и на плоских промежутках низменностей полки, колонны, батальоны и толпы рассеянные строились, двигались, смыкались и, как волны, с одного края на другой переливались: ядра, картечь и гранаты, взвиваясь, издавая рассыпчатый визг и, лопнув, вспыхивая синеватым огнем, то пронизывали насквозь сжатые строи, то шипели, несясь по головам и срывая их вихрем полета своего, то, с клохтанием пронося смерть над самыми головами и изменяя своеобычно полет свой, с высоты на высоту перелетали. Батареи: большая Горецкая, центральная Раевского и реданты Семеновские менялись убийством с редутами левого фран-

дузского крыла, с громадными батареями Дантуара и Сорбье; и смерть то дугообразно, то в направлении линейных выстрелов сновала туда и обратно. И все это делалось на воздухе! Земля же между тем, на которой шла битва, в полном смысле слова, заплывала кровью. Тысячи стрелков, таясь под закрытием, толпы конных, выскакивая из засады и закрытий, и колонны, идущие в откровенный бой, падали, резались и в отчаянных схватках пронимали друг друга штыками, дрались, боролись и, умирая, еще грозили друг другу цепенеющими взглядами.

Несмотря ни на какой огонь артиллерии и пехоты нашей, генерал Латур-Мобург едет вперед с Саксонскими кирасирами. Эти панцирщики, так же как и вестфальцы, тук Германии, могучие, длинные, широкие, кони под ними как медведи! Латур с своим медным легионом напирает на русских, косит направо и налево и захватывает спорную позицию, между тем как генерал Нансути, ведя кирасирскую дивизию Сен-Жермена, топчет и рубит все что ни попадетя с правой стороны редантов. Он очистил все поле до самого

оврага Семеновского.

Пока все это происходило, выказался на высотах 8-й корпус Жюно. Ней, видя, что атаки на реданты не имеют желанного успеха, замышляет другое дело и отправляет корпус направо, к Понятовскому, который сражался на крайней оконечности русской линии. Время сказать несколько слов и о левом крыле. Это крыло, как мы видели, было уперто в большой лес и прикрыто высоко торчащим курганом с 25-ю пушками. Еще два холма, увенчанные редутами, находились неподалеку оттуда. Тучков стоял грозно. Корпус его построен был перед деревнею Утицею в четыре линии. Четыре егерских полка, с князем Шаховским, рассыпались вправо по кустарникам, чтоб занять промежуток между войсками Тучкова и левым крылом главной линии. Князь Понятовский, пройдя через Ельню, вынырнул из лесов на деревню Утицу, поднял перед собою тучу русских стрелков и вытянулся в поле за Утицею. Сильная артиллерия Тучкова громила его ужасно! Этот наступ Понятовского готовы были подкрепить: Даву, Ней и, ближе всех, 8-й корпус Жюно, состав-

ленный из вестфальцев. Расположась длинною лестницею, уступ за уступом, маршалы должны были эшелонироваться справа, чтоб громить и огибать наше крыло левое. В помощь Нею и Даву придан король Неаполитанский с корпусами Нансути, Монбрена и Латур-Мобурга.

Тучков после сильного сопротивления оставил деревню Утицу и отступил левее, на высоту, пристроясь к дивизии графа Строганова; оттуда открыл он ужасную пушечную и ружейную пальбу. Поляки задумались.

При отправлении 8-го корпуса вправо был в виду стратегический замысел. Вестфальцам ведено, подав руку Понятовскому, стараться выжить из больших кустарников егерей наших, оборонявших промежутки, важный в смысле военном.

Ней хорошо и удачно предпринял этот опасный замысел. Удайся он — и корпус Тучкова подвергался опасности быть отрезанным от общей боевой линии, и неприятель мог бы разбивать наши реданты с тылу, и наша линия могла быть обойдена.

Но предусмотрительность Кутузова помог-

ла делу. Багговут, заблаговременно назначенный на помощь левому крылу, подоспел теперь со 2-м корпусом и перетянул весы на нашу сторону. Два полка из новоприбывшего корпуса с генералом Олсуфьевым отряжены на помощь Тучкову. В разных периодах, при разных обстоятельствах XII-го года, в сражениях, на трудных переходах, на биваках солдатских, привыкли видеть одного человека всегда первым в сражении, последним в занятии теплой квартиры, которую он часто и охотно менял на уют солдатский. Его искренняя привязанность к бивакам ясно отражалась на его шинели, всегда осмоленной, всегда запудренной почтенною золою походного огня. Он был молод, высок, худощав, белокур, с голубыми глазами, с носом коротким, слегка округленным, с лицом небольшим, очень приятным; в обхождении и одежде прост, стройный стан его небрежно опоясан истертым шарфом с пожелтелыми кистями. Чудесно свыклись солдаты с этим человеком в серой шинели, в форменной фуражке! Он любил с ними артелиться: хлебать их кашу и лакомиться их сухарем. Никто не смел пожа-

ловаться на холод и голод, видя, как терпеливо переносил он то и другое. Трудно было с первого раза, с первого взгляда угадать, что это за человек? Видя его под дождем, на грязи, лежащего рядком с солдатами, подумаешь: «Это славный фрунтовой офицер!» Блеснет крест-другой из-под шинели, и скажешь: «Да он и кавалер! Молод, а заслужил!» И вдруг бьют подъем, встают полки, и этот офицер (уж не простой офицер!) несется на коне, а адъютанты роятся около него, и дивизия (4-я пехотная) его слушает, и более чем слушает: она готова за ним в огонь и в воду! Так это уж не офицер, это генерал, да и какой! Он подъезжает к главнокомандующему, к первым сановникам армии, и все изъявляют ему знаки особенного уважения... Видно, это кто-то больше генерала? Это принц Евгений Виртембергский. Его дивизия и удачно и вовремя подкрепила кирасир. А между тем в том важном промежутке, в тех незапертых воротах, между левым крылом и главной линией на протяжении целой версты уже давно разъезжал витязь стройный, сановитый. Кирасирский мундир и воинственная осанка отлича-

ли его от толпы в этой картине наскоков и схваток.

Всякий, кто знал ближе приятность его нрава и душевные качества, не обвинуясь, готов был причесть его к вождям благороднейших времен рыцарских. Но никто не мог предугадать тогда, что этот воин, неуступчивый, твердый в бою, как сталь его палаша, будет некогда судьей мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всесожжение за спасение России!! Это был князь Дмитрий Владимирович Голицын! С помощью дивизии принца Евгения он отстоял равнину слева от деревни Семеновской, живые стены нашей конницы заменили окопы, которых тут не успели насыпать. Вестфальцев, замышлявших обойти наших кирасир, прогнали в лес. Все толпы неприятельские разлагались на палашах кирасир и под картечью нашей конной артиллерии. Вестфальцы из дивизии Оксо и Таро начинили было своими колоннами лес, который, опушая левый бок наших кирасир, позволял обойти их с края. Уже выказали обе колонны из лесу свои головы, но

кирасиры князя Голицына отсекали те головы. Колонны отшатнулись обратно в лес. Но Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугский пехотные (2-го корпуса) полки, под предводительством принца Евгения Виртембергского, бросились на эти колонны, ущемили их между чащами леса и искололи жестоко, а лесом овладели. Во время таких боев с упрямыми немцами Понятовский велел своим полякам сделать правое крыло вперед и добывать курган с батареями, которую защищала 1-я гренадерская дивизия графа Строганова.

Под покровительством 40 орудий, вправо от Утицы, дивизии Заиончика, Княжевича и конница Себастиани пошли в атаку и, вопреки всем усилиям русских, овладели курганом. С потерей высокой господственной точки русские должны были сойти со старой Смоленской дороги, и армия подвергалась обходу слева. Вот почему Тучков положил на мере во что бы то ни стало сбить поляков с кургана и завладеть обратно потерянным. Сделано распоряжение. Тучков сам с Павловскими гренадерами идет прямо в лицо полякам: граф Строганов с четырьмя полками гренадеров:

С.-Петербургским, Екатеринославским, графа Аракчеева и лейб-гренадерским — атакует их справа, а генерал-лейтенант Олсуфьев, с двумя пехотными, Белозерским и Вильманстрандским, заходит в тыл. Этим сплошным и дружным движением поляки сбиты, и граф Строганов увенчивает опять курган нашими пушками, которые далеко провожают неприятеля. Но среди всех выгод русские искренне опечалились: храбрый воинственный генерал Тучков 1-й смертельно ранен. Его место занял Олсуфьев, пока прибыл Багговут.

Скоро после Тучкова, показавшего столько преданности к делу отечества, приехал на оконечность левого крыла другой генерал. Солдаты узнали его по всему: по видной осанке, по известной в армии храбрости, по телосложению необыкновенному. При росте значительном он был широк в плечах, дюж и тучен. Пространная грудь увешана была крестами. Он разъезжал на вороном аргамаке. Могучий конь гнулся под седоком, который напоминал о древних богатырях древней героической Руси. Проезжая места, где храбрый Воронцов до раны своей отбивал с гренадерами

неистовые набеги пехоты и князь Голицын рубил французскую конницу, генерал, о котором мы говорили, — это был Багговут — разговаривал с артиллеристами: «Жарко у вас!» — «Греемся около неприятеля!» — отвечали ему. Вот образчик разговоров между чащами штыков, под бурею картечною. И действительно, там было жарко! Там русские, говоря языком старых преданий, парились в банях кровавых железными вениками!

Представив столько общих больших картин, я заимствую одну частную (из книги «Рассказ артиллериста о деле Бородинском»), в которой как наяву увидим, как и в каком духе сражались наши артиллерийские офицеры: «Достигнув пешком (лошадь под ним была убита), — говорит почтенный сочинитель книги, — достигнув батареи Вейде, я увидел храброго офицера с простреленною рукою. Кровь текла из раны, но он не обращал на это внимания. „По крайней мере, вели перевязать себе рану; я принес тебе приказание от графа Сиверса“. Солдат заложил ему рану паклею и стал перевязывать платком. Но сильный от природы, он вырвался из рук перевяз-

чика и кричал без памяти: „Второе и третье орудие по правой колонне... пли! Хорошо, ребята, мастерски! Выстрелы не даром!“»

Храбрый Любенков, ибо это он, сочинитель помянутой книги, сквозь сечи и схватки Малороссийских кирасир с латниками, чрез поле ужасов возвратился к своему месту. Там застал он двух товарищей, окровавленных, умирающих. Поручик Давыдов, раненный (под грозою разрушения), сидел в стороне и читал свою любимую книгу: «Юнговы ночи», а картечь вихрилась над спокойным чтецом. На вопрос: «Что ты делаешь?» — «Надобно успокоить душу. Я исполнил свой долг и жду смерти!» — отвечал раненый. Другой поручик, Норов, прощался с своими глазами, которые уже цепенели, и сказал: «Не оставляйте, братцы, места и поклонитесь родным!» Проговоря это, умер! «Выстрелы, — говорит Любенков, — бывали иногда удивительно удачны. Французское ядро попало в верхнюю часть нашего орудия, отдало его, сбilo пушку, сделало впадину и отскочило. Солдаты тут говорили: „Верно, не по калибру пришло!“ Вот образчик остроумия под громом

батарей!»

Между тем на правом нашем крыле также происходили дела! Вице-король Италианский короновал за Бородиным высоты сильными батареями, которые, однако ж, не раз замолкали пред батареями русскими. И за всем тем наше правое крыло осыпано было ядрами и гранатами неприятельскими. День Бородинской битвы был праздником артиллерии. «Наполеон, — говорит Барклай-де-Толли, — хотел уничтожить нас своей артиллериею». Мы уже сказали, что дивизии Жерара, Морана и Брусье нагло перешли Колочу. Но там напали они на наших стрелков, которые завязали с ними жестокую перестрелку. С высоты холмов наших и неприятельских высылались тучи ядер и картечь; по долинам летали и жалили пули, как пчелы. Битва кипела и в воздухе и на земле: не было места без смерти!

И вот уже 12 часов утра! Первый вид (phase) великого сражения, первый акт кровавой трагедии кончен. Солнце нашего северного августа разработало все тучи в небе, подняло все туманы с земли, поглотило всю ночную сырость в воздухе и стояло высоко и в

полном великолепии. Это солнце, наше родное солнце, уже одержало победу свою в полуосеннем русском небе; оставалось нам сделать то же на русской земле. Я был на большой батарее и с высоты кургана Горецкого видел картину изумительную. Пахнувший с правой стороны ветер отвеял до половины пелену дыма; правое крыло наше, стоявшее на высотах, облилось солнцем и светом; левое лежало углубленным в синеющий мрак.

Полдень и полночь, казалось, тут встретились вместе. Войска французские, сражавшиеся с нашим левым крылом, густо застланы были темною волнистою тучею. Только по временам беловатые облачка, длинные синие лучи и красные вспышки пробивались сквозь черную дымовую застилку, под которой глухо урчало и перекатывалось сражение внизу, у подножия спорных холмов.

Перед самым лицом правого крыла догорало Бородино. Два света, отблеск близкого пожара и лучи полуденного солнца, окрашивали двойной ряд облаков воздушных и дымовых, беспрестанно густевших от выстрелов неумолкавших.

Позиция Бородинская была длинна и шершава, и потому свет и тень не могли укладываться на ней одинаково: между ними было, может быть, такое же борение, как и между войсками, державшими свой великий спор. Полки делали переходы, чтоб поспевать к местам угрожаемым. И те, которые приходили с свежего воздуха, видели, что над сражающимися лежала черная ночь. Новая твердь, составленная из дыма, отделила землю от неба. Искусственные молнии бегали по искусственным тучам. Входящим в темноту сражения казалось, что их вводили в какой-то черный вертеп! Но рассуждению не было тут места! Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб. Ядра и гранаты далеко пролетали, даже за резерв. Это подало, как мы видели, случай Милорадовичу сказать: «Вот сражение, в котором трусу нет места!»

Вступя в оглушительный треск Бородинского сражения, некогда было рассуждать о времени. Каждую минуту пролетали 120 ядер и 120 смертей; в каждую минуту могло рассыпаться более 4000 картечи: когда ж тут справ-

ляться с часами? Однако ж было уже 12 часов, побоище длилось, но весы колебались, и бой около полудня начинал стихать. Но вот Наполеон, уже нетерпеливый, приказывает удвоить жар и напор. Огонь неприятельский, по-немногу замиравший, вдруг ожил страшною жизнью. Со всех сторон потянулись цепи орудий. Батареи мчались, скакали, сдвигались, и 400 пушек явилось пред нашим левым крылом! Под огненную защиту этой огнедышащей артиллерии сильные колонны вновь за-синели на поле перед Семеновскими редантами. Видя такие грозные шашки на роковой доске, русские также выдвигают 300 орудий!

Кутузов, сверх того, приказал Миларадовичу подтянуться левым флангом и перевести корпуса Остермана и 2-й кавалерийский за центр армии. Этот центр, истончавший, протертый, требовал надежной подкладки! В то же время Платов и Уваров отряжены на тайное дело в особую экспедицию.

Искра воли Наполеоновой упала на рассыпанный порох, и бой перед Семеновским закипел с силою необычайною, с остервенением беспримерным. 700 орудий, столпясь на

одной квадратной версте, почти толкались между собой и, составляя подвижные вулканы, дышали огнем и опустошением! Ядра пронизывали толщи колонн; гранаты, лопаясь, и картечь, рассыпаясь, дождили на них сверху: било черепьем и ивернями. А между тем ружье горело, и перекатный, яркий батальный огонь не умолкал при этом кипятке сражения; многочисленные пешие и конные колонны неприятельские шли на нас с необыкновенным, ужасающим спокойствием. Наша артиллерия пронимала их насквозь, раздирала на части; но, многолюдные, они сжимались и шли далее. Маршалы стояли твердо в своем намерении: солдаты понимали их. Все было стройно и торжественно в этом ужасном разложении масс! По грядам убитых, по трупам товарищей французы шли и штурмовали реданты!

Ужасна была картина той части поля Бородинского, около деревни Семеновской, где сражение кипело как в котле. Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то тусклые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивою смерти. В этих

сумерках ничего не видно было, кроме грозных колонн, наступающих и разбитых, эскадронов бегущих. Груды трупов человеческих и конских, множество распущенных по воле лошадей, множество действующих и подбитых пушек, разметанное оружие, лужи крови, тучи дыма — вот черты из общей картины поля Бородинского! Но вот ближе к нам я вижу одного из отличных генералов наших. Тогда еще молодой и сановитый, в красивом ахтырском мундире, он прискакал на самый грёбень одного из холмов Семеновских, и, едва сдержав левою рукою крутого, чалого коня над глубокою рытвиною, правою указывает на бегущего неприятеля. По мановению руки его (это был генерал Васильчиков) батареи скачут, и тяжелые орудия посылают гибель и разгром вслед за бегущими. Даль представляет вид совершенного хаоса: разорванные, изломанные французские эскадроны кружатся, волнуются и исчезают в дыму, уступая место пехоте, выступающей стройно!

Деревня Семеновская пылает, дома оседают, горящие бревна катятся. Бледное зарево во множестве лопающихся бомб и гранат бро-

сает тусклый, синеватый отблеск на одну половину картины, которая с другой стороны освещена пожаром горящей деревни.

Конная артиллерия длинною цепью скачет по мостовой из трупов.

Вот тут-то последовало то важное событие, о котором мы уже слегка говорили. Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше во всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. У нас нет языка, чтоб описать эту свалку, этот сшиб, этот протяжный треск, это последнее борение тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтоб перетянуть их на свою сторону. Но окончательным следствием этого упорного борения было раздробление! Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! [24] Это была личная, частная борьба человека с человеком, война с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших

предводителей. После целого ряда генералов ранен и сам князь Багратион.

Видите ли вы здесь, в стороне, у подошвы высоты Семеновской, раненого генерала? Мундир на нем расстегнут, белье и платье в крови, сапог с одной ноги снят; большое красное пятно выше колена обличает место раны. Волосы в беспорядке, обрызганы кровью, лицо, осмугленное порохом, бледно, но спокойно! То князь Петр Иванович Багратион. Его поддерживает, схватя обеими руками сзади, Преображенский полковник Берхман. Левая рука раненого лежит на плече склонившегося к нему адъютанта, правой жмет он руку отличного, умного начальника 2-й армии генерала Сен-Приеста и вместе с последним прощанием отдает свой последний приказ. Изнеможенный от усталости и потери крови, князь Багратион еще весь впереди, весь носит перед своими дивизиями. Видите ли, как он, забыв боль и рану, вслушивается в отдаленные перекааты грома? Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительною. По линии разнеслась страшная весть о смерти 2-го главнокоманду-

ющего, и руки у солдат опустились.

Но явился Коновницын; его узнали по голосу. Уступая судьбе и обстоятельствам, он вдруг перевел войска за деревню Семеновскую и расставил их по высотам. Так размежевался он с неприятелем живым урочищем, роковым оврагом, с уступкою спорных редантов и с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами... В этой окрестности, под влиянием Коновницына, находились и прославились полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский. Вместе с другими подкреплениями Кутузов послал их на левое крыло. Измайловцами командовал тогда полковник Храповицкий. Он имел еще другое поручение и вверил полк старшему по себе полковнику Козлянинову. Провожаемые губительной пальбою с батарей неприятельских, отраженные полки заняли свое место в величайшем порядке, как на домашнем ученье.

В дыму и ужасах сражения измайловцы стояли мужественно. Но вдруг, как воздушное

явление, засветилась вдали медная стена; она неслась неудержимо, с грохотом и быстротою бури. Саксонские кирасиры, под начальством генерала Тилимана, примчались и бросились на правый фланг второго батальона Измайловского. Но время не упущено: все батальоны построились в каре, стали уступами и открыли такой батальный огонь, что неприятель, обданный вихрем пуль, отшатнулся и побежал назад! Но отпор не остановил напора! Туча медвежьих шапок замелькала в воздухе. Конные гренадеры, несясь по следам кирасир, и также оттолкнуты, и также побежали. Многие, занесшиеся неосторожно вперед, гасли на штыках измайловских. Тут храбрый, осанистый полковник Храповицкий, ставший сам командовать после раненого полковника Козлянинова и заменившего его на время Мусина-Пушкина, также ранен, но не оставил команды.

В это время несясь по полю корпус Нансути. Ему нарочито приказано объехать и сбить с места Измайловский и Литовский полки, чтоб прорваться за левое крыло наше. Ужасен был этот налет французской кавалерии.

В прямом смысле слова можно сказать, что французская конница, громада необозримая, разлилась, как море, и наши каре всплыли посередине, как острова, со всех сторон поражаемые нахлестами медных и стальных волн неприятельских панцирников[25]. Наездники встречены и провожаемы были удачными перекрестными выстрелами каре, и русский дождь свинцовый наконец пронял и отразил этих (*gens de fer*) железных людей: так называл Наполеон кирасир французских.

Генерал Дохтуров, личный свидетель подвигов Измайловских и Литовских каре, загнанный бурей скачущей отовсюду конницы, сам вверил себя одному из этих каре, каре 1-го батальона, и отстоялся в нем. Три генерала, и между ними король и вице-король, как мы видели, должны были скрываться в каре: вице-король в каре 84-го, Дохтуров в каре Измайловском, король Неаполитанский в каре 33-го полка. По этому судите о бурях и случайностях Бородинского сражения! Маршалы призадумались; но не отстали от своего намерения и продирались вперед.

В самом разгаре битвы за реданты и за ре-

дантами видели одного человека длинного роста, с значительным европейским лицом. Он был уже на склоне лет, но все в нем показывало, что в молодых годах своих он был стройным мужчиною и, может быть, храбрым наездником, несмотря на кротость, выражавшуюся в спокойных чертах. Те, которые знали близко этого человека, этого знаменитого генерала, говорят: «Мудрено найти кротость, терпение и другие христианские добродетели, в такой высокой степени соединенными в одном человеке, как в нем». «Жаль, — говорит некто в современных Записках своих, — жаль, что мало людей могут чувствовать красоту и великость такого характера!» Под портретом его я видел, позднее, надпись: «Invictus Victor»[26]. И в самом деле, он первый начал побеждать дотоле непобедимого. Это был генерал Бенигсен!

Скрыв лучи своей Прейсиш-Эйлауской славы, он заботливо и скромно разъезжал по полю битвы. Я был в числе тех, которые спросили у него: «В какой степени можно сравнивать настоящее Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлауским»? Победитель при Эй-

лау, не задумавшись, отвечал с высокою скромностию: «Верьте мне, что в сравнении с тем, что мы до сих пор видим (а это было в 12-м часу дня, когда 700 пушек на одной квадратной версте еще не гремели), Прейсиш-Эйлауское сражение только сшибка!»

Прискакав вместе с Барклаем, оба военачальника ободрили войска левого крыла и, загнув оное, уперли одним концом в лес, занятый Московским ополчением. Это придало силы обессиленным потерями и своим положением.

Незадолго перед ними в пожар и смятение левого крыла въехал человек на усталой лошади, в поношенном генеральском мундире, с звездами на груди, росту небольшого, но сложенный плотно, с чисто русскою физиономиею. Он не показывал порывов храбрости блестящей посреди смертей и ужасов, окруженный семьею своих адъютантов, разъезжал спокойно, как добрый помещик между работающими поселянами; с заботливостию дельного человека он искал толку в кровавой сумятице местного боя. Это был Д. С. Дохтуров.

В пылу самого сражения Дохтуров получил от Кутузова начерченную карандашом записку: «Держаться до последней крайности». Между тем под ним убило одну лошадь, ранило другую. Он все разъезжал спокойно, говоря солдатам про Москву, про отечество, и таким образом, под неслыханным огнем Бородинским, даже, как мы видели, некоторое время в одном из каре своих, пробыл он 11 часов.

Мы не могли, при всем желании, представить здесь так ясно, как бы хотелось, все переходы, все оттенки этой великой битвы маршалов с Багратионом, наконец раненым и отнесенным с поля. Не опасаясь впасть в повторения и желая лучше переговорить, чем не договорить, мы расскажем еще и уже более, чем во второй раз, о некоторых чертах упорной битвы за реданты Семеновские и заглянем для этого мимоходом в предания французов.

Уже наступила грустная для нас эпоха, когда все главнейшие препятствия, заслонявшие позицию нашу: речки Войня, Колоча, овраг Семеновский и ручей Огник, перейдены!.. От Утицы до Бородина протянулась си-

нею лентою линия французская.

В это время Наполеон устраивает атаку срединную (charge de pont), о которой он говорит в своем 18-м бюллетене, приготовляясь ударить, как молотом, всю толщю своего правого крыла поперек груди нашей армии. Маршал Ней сжался и с тремя своими и двумя из 1-го корпуса, всего с пятью, дивизиями, стоившими иной армии, пошел теснить и разбивать левое крыло русское, с которым он постоянно бился с мужеством неукротимым. Между тем посланный им Готпуль отослан Наполеоном к дивизии Клапареда и потом к дивизии Фрияна, который, еще незадолго перед тем, от самого Наполеона получил приказание изготавиться к наступу, коль скоро реданты при Семеновском будут взяты. К исходу боя между маршалами и князем Готпуль привел Фрияна и его дивизию прямо к высотам и редантам Семеновским. Эту свежую дивизию жестоко поздравили дождем и градом пуль и картечи с третьего реданта, еще уцелевшего за русскими. Но старый Фриян велит бить во все барабаны и скорым наступным шагом ведет дивизию на приступ. Никакое

сопротивление не могло остановить этого отчаянного приступа, и русские отброшены за Семеновский овраг, не успев, как мы уже давно сказали, свести пушек с реданта. Генерал Дюфур, с 15-м легким пехотным полком, как нам уже известно, перемчался за овраг, принял налево, захватил Семеновское (которое, впрочем, наши готовы были уступить) и стал на этой прожженной почве твердою ногою, поддерживаемый остальными войсками дивизии в колоннах по бригадам.

Генерал Фриян попытался было протянуть свое правое крыло, чтоб сомкнуться с Неем, но русские с страшным криком уже неслись ему навстречу.

При виде этой бегущей бури Фриян стеснил ряды, и тут же по его приказанию 33-й полк перешел через овраг, выстроился в каре и заслонил полки 48-й и Ишпанский Иосифа Наполеона.

Под гремящим покровительством своих метких батарей конница русская делала отчаянные налеты на пехоту французскую; но французы (нельзя не отдать им чести) стояли как вкопанные! За что дрались они? Что за-

ставляло их прирастать ногами к русской земле? Мрачные, безмолвные, без пальбы, без крика, линии французские допускали до себя русских на три шага, и вдруг огненная лента бежала по фронту и за страшным убийственным залпом, сыпался непрерывный рокот мелкой пальбы. Мертвые и умирающие, кони и всадники русские длинными настилками ложились друг на друга. «Помогите! помогите!» — кричали раненые. «Не до вас, братцы! — отвечали им». Надо прежде разведаться с неприятелем!? Вот минута, в которую армия русская могла показаться разрезанною: ибо ключевой плечной сустав, соединявший левое крыло с грудью армии, был изломан. Наши линии видимо тончали, позади и впереди их поле пестрелось от трупов и обломков разбитых снарядов, искрошенного оружия. Дивизии маршалов и 1-й кавалерийский корпус, служивший им связкою с дивизиею Фрияна, все подавались вперед упрямо, напористо, грозно, но медленно. Отпорная сила русских не позволяла развиваться их привычной быстроте.

Оставим на время маршалов с их массами

полупросквоженными, полурастерзанными сражаться с остатками наших, полурассеянными, но твердыми на поле, упрямыми в бою, торгующимися за каждый шаг русской земли, оставим их у Семеновского и обратимся к большому люнету, к батарее Раевского. Этот люнет, или большой редут, отнятый Кутайсовым, Ермоловым, Паскевичем и Васильчиковым, все еще оставался в руках законных владельцев. Вице-король направлял на него и войска и огонь разрушительный. 26-я дивизия (Паскевича), истощенная донельзя, вся расстрелянная, требовала перемены. Ее сменили с ужасной стражи дивизиєю Лихачева из корпуса Дохтурова. Между тем убылые места предводителей, как мы уже видели, замещены: Дохтуров приехал на место Багратиона, Багговут на место Тучкова. Настало второе поколение генералов в Бородинской битве; лица изменились, а тяжба продолжалась.

Принц Евгений уже готовился к решительной атаке, как вдруг отозван к дивизии Дельзона, на которую напал съехавший с нашего правого крыла генерал Уваров с кавалериею. 1-й кавалерийский корпус с генералом Уваро-

вым и казаки Платова переехали через Колочу при с. Малом, ударили на дивизию Орнано и прогнали ее за Войню. От этого налета донцов и гусар сильно встревожилась и дивизия Дельзона, защищавшая Бородино. Она спешила построиться в четыре каре. Сам вице-король, в происшедшей суматохе, искал спасения в каре 84-го полка. Неизвестно, к чему бы это привело; но Уваров, после нескольких наскоков на кавалерию и пехоту французскую, потеряв довольно людей, уклонился к с. Новому.

Впрочем, эта атака, во всех отношениях необходимая в виду правого русского крыла, остававшегося на некоторые мгновения довольно спокойным зрителем, произведена была вначале с довольно жаром. Между тем как Уваров спускался с высот, Платов выпустил несколько полков донских казаков: вся луговая равнина к Колочи вдруг запестрела донцами. Они начали по-своему давать круги и щеголять разными проделками. Передовые французские пикеты всполохнулись и дали тыл. Казаки сели им на плечи! Напрасно отмахивались французы и немцы длинными

палашами и шпорили тяжелых коней своих: донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Это сначала походило на заячью травлю. Солдаты русские, стоявшие на высоте Горок и вблизи Дохтуровой батареи, завидя удалство придонское, развеселились: махали руками, хохотали и громко кричали: «Вот пошли! Вот пошли! Хорошо, казак! браво, казак! не жалея француза!» Но это было недолго! Донцы, сделав, что могли, скучились и потянулись стороной, уступая место регулярной кавалерии. Полки 1-го кавалерийского корпуса чинно, важно, густым строем неслись мимо Бородина и, загнувшись дугою, потерялись из вида за деревнею. С огромных французских редутов открылась пальба. Суматоха в Бородине также не укрылась от глаз зрителей. «Смотри! Смотри! Французишки строятся в каре: видно, плохо! Наша берет, ребята!» И многие хлопали в ладоши и ревели: «Ура!» Это освежило на этой точке зной сражения, которое кипело во всей силе.

Если это был отвод, так называемая дивер-

сия, то предприятие достигло своей цели. Но знающие военное дело, может быть, имеют право сказать: «Жаль, что не шли далее!» Если б кавалерия наша (но тогда ей надобно б быть в большем числе), застигшая французов врасплох в их домашнем быту, продолжала натиск свой упорнее, кто знает, что бы она наделала. Может быть, левое французское крыло, более и более само на себя осаждаемое, стало бы наконец свиваться в трубку и смешалось в толпу, которую надлежало отбросить за большую дорогу? Какие последствия могли бы открыться, если б казаки получили возможность кинуться вверх по большой дороге, загроможденной обозами, остальными и запасными парками? Конечно, надлежало проскакать под выстрелами редутов и сломить несколько каре; но, всего важнее, могло встретиться препятствие местное: болотистый ручей и тому подобное. Зато сражение приняло бы совсем другой оборот, и Наполеон увидал бы, как неосторожно разжидил он свое левое накопом войска на правом.

Но вот русские отъехали восвояси; вице-король успокоился и принялся за прежнее:

он стусил свои силы против большого люнета. Король Неаполитанский, как будто разгадывая замысел Евгения, дал повеление графу Коленкуру, начальнику пажей императорских, заместившему Монбрана, перейти через овраг Семеновский и напасть на редут с другой стороны. Сам же зоркий Наполеон, видя, в чем дело, послал легион Вислы, под начальством генерала Клапареда, чтоб подкрепить атаки, которыми король и вице-король угрожали люнету. Провидя бурю, готовую разразиться над люнетом, прозорливый и мужественный Барклай решил сдвинуть все свои запасные войска на угрожаемое место. В это же время и Кутузов, хозяин битвы, отважился ослабить правое крыло, крепкое по своему положению, и отрядил корпус Остермана. С громким барабанным боем полки остерманские шли скорым шагом позади первой линии и батареи, где находился главнокомандующий. Кутузов напутствовал их несколькими ободрительными словами и осенял знаменем креста. Эти полки, еще свежие, сменили корпус Раевского, разбитый и подавленный частыми натисками и бурею

пальбы французской. Вместо смененного корпуса Раевского полки Преображенский и Семеновский поставлены за 4-м корпусом. Позади этих двух вытянули 2-й и 3-й корпуса кавалерийские, которые, в свою очередь, подкреплены полками кавалергардским и конной гвардии. Конечно, это столпление войск на одном месте служило огромною мишенью для губительной артиллерии французской, но оно было необходимо для защиты места, слишком угрожаемого.

ВЗЯТИЕ ЛЮНЕТА (ВО ВТОРОЙ РАЗ)

Вице-король, видя, что все усилия русских обращались на защиту их левого крыла, замыслил, пользуясь сим, завоевать наш большой люнет, стоивший уже столько людей и крови!.. Он соединяет 1-ю, 3-ю и 14-ю дивизии и дает знак. Тихо и торжественно приближаются эти войска; тихо и — на минуту — все бездейственно на русской линии, в окрестностях люнета. Канонеры стояли у пушек, поднятые фитили дымились... Но вдруг все наши батареи грянули, картечь зашумела, и ряды французские, обданные чугунным кипятком, кружились и падали. Только буря, ворвавшаяся

яся в чащу леса, может уподобиться этому действию артиллерии! Ядра, совершая свои рикошеты, прыгали между колонн, — французы призадумались. Но один из самых храбрых и, может быть, благороднейший из предводителей французских — Евгений Богарне (вице-король Италиянский) поднял дух своим присутствием, примером и речью. Каждому полку особо говорил он что-нибудь приятное, что-нибудь ободрительное, напоминавшее его славу. Но 9-й линейный в особенности очарован приветствием: «Храбрые! вспомните, что при Ваграме вы одни были со мною, когда мы рассекли пополам линию неприятельскую!» Полк отвечал криками восторга, и все ринулось вперед. Лично ободряя дивизию Брусье, вице-король был необыкновенно хладнокровен под зноем жесточайшего сражения, под шумом падающих картечных дождей. И вот пехота французская приближалась с лица, а Нансути и Сен-Жермен с тяжелою конницею жестоко напирали сбоку, подметая палашами все поле от Семеновского до люнета.

Об этом боковом действии на люнет огром-

ной французской кавалерии (до 120 эскадронов) расскажем мы после, когда кончим о действиях вице-короля с лица. Боковая атака, страшная, грозная, была та атака Нея, за которую получил он титул князя Москворецкого. Он направлялся с своими громадами на центральный люнет, но имел в виду высшую тактическую цель, цель разрезать нашу линию пополам и, распахнув ее на обе стороны, стать в тылу обеих половин. Подчиняясь закону последовательности, скажем теперь только несколько слов о действиях французской кавалерии справа. Самым блестящим образом исполнила данное ей приказание конница 2-го французского корпуса. С неустранимостью перемчалась она за овраг Семеновский и кинулась на линии русских. Многие полки Остерманова корпуса, особливо Кексгольмский, Перновский и 33-й егерский, выдержали храбро отважный наскок и удачно ответили смелым эскадронам губительным батальным огнем. Но, несмотря на это, граф Коленкур, скакавший справа в голове кирасиров Ватье, успел обогнуть редут и через тыловой въезд промчался в самое укрепление. Ко-

ленкур убит пулею в лоб, и пятый кирасирский полк, ошеломленный потерей генерала и сильным отпором, ускакал прочь. Так кончил Коленкур! Когда убили Монбрана и люнет, продольными выстрелами, нещадно резал французскую кавалерию, этот генерал, как мы видели, бросился, чтобы зажать уста люнету, и не возвратился боле! Минута, в которую он въехал на высоту, представляла картину необыкновенно поразительную. Весь холм — подножие окопа, — очешуенный разноцветными латами, стал живою металлическою черепахою! Ясные, желтые и стальные, гладкие и шершавые латы и шишаки зеркально сверкали двойным освещением: лучами солнца и красными пуками огня, вылетающими из жерл пушечных. Люнет с его холмом, на котором громоздились конники французские, казался вместе горою железною и горою огнедышащею.

2-й и 3-й кавалерийские корпуса русские выпущены на 2-й французский, и полковник Засс с Псковским драгунским, поддерживаемый 4-мя орудиями конногвардейской артиллерии, далеко гнал кавалерию; и многие пол-

ки французские, не выдержав наскока наших, дали тыл и взброшены на свою пехоту. «Тут была, — говорит один самовидец, — кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывали и потом строились под покровительством своей артиллерии и пехоты. Наконец, наши успели с помощью конной артиллерии обратить неприятельскую конницу в бегство».

Между тем как повторялись эти жаркие схватки у люнета, войска вице-короля, как мы уже сказали, грозно к нему приближались. Некоторые полки вытянуты, другие сжаты в колонны.

21-й линейный, из дивизии Жерара, 17-й дивизии Морановой, 9-й и 35-й из дивизии Брусье охватили редут с лица и сбоку. Солдаты дивизии Лихачева, бившиеся до последней крайности, покрытые потом и порохом, обрызганные кровью и мозгом человеческим, не могли долее противиться и защищать люнет. Но мысль о личной сдаче далеко была от них! Почти все приняли честную смерть и

легли костями там, где стояли. Вице-король с 9-м и 35-м полками обогнул люнет слева и, после ужасной сечи, сопровождаемый своим штабом, торжественно вошел в люнет победителем чрез тыловой въезд. Все канонеры наши побиты на пушках и валялись на опрокинутых лафетах, на искрошенном оружии! Генерал Лихачев, страдавший сильною ломотною болью в ногах и сверх того израненный, во все время обороны сидел в переднем углу редута на складном кожаном стуле и под тучею ядер и гранат, раздиравших воздух, спокойно нюхал табак и разговаривал с ближними солдатами: «Помните, ребята, деремся за Москву!» Когда ворвались французы и все падало под их штыками, генерал встал, растегнул грудь догола и пошел прямо навстречу неприятелю и смерти. Но французы, заметя по знакам отличия, что это русский генерал, удержали штыки и привели его к вице-королю. Храбрый уважил храброго и поручил полковнику Асолину проводить генерала к императору.

Большой люнет завоеван; но французы недалеко подвинулись с этим завоеванием:

курган Горецкий и батарея Дохтурова еще были целы, и на пространстве, ими обстреливаемом, не стояла нога неприятеля. Корпус Остермана, имея перед собою глубокий овраг Горецкий и на правой руке дивизию Капцевича, представлял опору надежную и вместе отпор грозный. Генерал Груши, провожавший вице-короля, слева, пользуясь минутою расплоха при взятии люнета, кинулся было с кавалериею Шастеля на дивизию Капцевича. Но тут вдруг растворились вздвоенные взводы пехоты, и генерал Шевич выехал с полками конной гвардии и кавалергардским. Шевич и гвардейцы впились в неприятеля. Лагуссе, Тъери, Шастель, Лафон, Бриан, Тальгут, Домангет рубятся с нашими. Тюрень, Грамон и сам Груши ранены, и неприятель дал тыл! При атаках, подобных этой, офицеры французские, часто потомки благородных родов рыцарских, рубились один на один с офицерами первых фамилий русских. Были и другого рода поединки: целые полки, расположась один на одном, другой на другом берегу болотистого оврага, до тех пор стрелялись (через овраг), пока ни тут, ни там уже некому было

зарядить ружья! На счет личной храбрости офицеров: «Вообще (говорит генерал Сипягин) офицеры наши в Бородинском сражении, упоенные каким-то самозабвением, выступали вперед и падали пред своими батальонами!»

В это же время явился на сцену и генерал Милорадович. С необыкновенною быстротою, скача сам впереди, подвел он сильные батареи на картечный выстрел и начал осыпать завоеванный люнет целыми дождями картечи; уцелевшую ж линию оборотил на оси в косвенное положение и унес фланг ее от неприятеля. Наши выгоды в этом пункте восстановились.

Но обратимся к рассказу, который невольно теряет прямое методическое направление, и мы невольно запутываемся в повторениях. Один из полков, захвативших люнет, именно 9-й, был весь составлен из уроженцев Парижа (d'enfants de Paris). Он исполнил дело с блестящею неустрашимостью. В двухчасовой борьбе этот полк потерял из фронта 1068 рядовых и 42-х офицеров! Полковник полка получил две раны пулями. Вот образчик потерь и храбро-

сти французов!

Пушки (числом 18), вооружавшие люнет (крепкий только одним мужеством защитников, а, впрочем, слепленный наскоро), достались смелым неприятелям. И второй период сражения совершился. В это время Наполеон едет сам посмотреть вблизи на сражающихся. На поле битвы был самый разгар. Около четырех часов за полдень лесок, прежде не замеченный русскими, вдруг запестрел толпою всадников. Этот лесок находился против самого кургана Горецкого. Между людьми сановитыми, на прекрасных лошадях, среди пестрых мундиров, блестящих богатыми эполетами, радужными цветами орденских лент и знаками отличия, отличался один без всякого знака. Он ехал на маленькой арабской лошадке, в серой шинели, в простой треугольной шляпе. Кто не узнал бы Наполеона? Когда большая часть укреплений на линии русских были захвачены, он подъехал на ружейный выстрел к сражению, чтоб взглянуть на ход и положение дел. Тут же хотел он было штурмовать курган Горецкий и батарею Дохтурова, которые только оставались невзятыми. Но

его отговорили. Наполеону не совсем нравился ход дел. Правда, что русские теряли много народу, продолжая драку открыто вне ретраншаментов: пушки французские громили беззащитных. Много было мертвых, но живьем не сдавались наши неприятелю, разве кого хватали в одиночку. Русские дрались насмерть! Наполеону очень хотелось разорвать армию нашу пополам и преследовать до уничтожения.

Для этого надобно было завладеть и последнею опорю — курганом Горецким и подручною его батареею, которые, приурочиваясь к ручью Стонцу, обстреливали всю окрестность до большого люнета, завоеванного вице-королем. С намерением овладеть этою крепкою частью нашей позиции Наполеон доезжал до полета пуль, чтоб осмотреть все ближе и явственнее. Губительный огонь кипел около Горок. Оставя свиту за лесом, Наполеон выехал и показался против самых Горок. Бертье, Коленкур, Дюрок, Бесьер и еще один паж следовали за императором, на одну минуту подъезжал к нему Мюрат. Наполеон стоял под пулями русских стрелков. Упрямо

хотел он захватить курган Горецкий. «Где ж наши выгоды? — говорил угрюмо Наполеон. — Я вижу победу, но не вижу выгод!» Все провожавшие императора восставали против атаки.

«Войска наши утомлены до изнеможения! — говорили маршалы. — Одна надежда на гвардию!» — «Мы в 600 милях от Франции! — представлял Бертье. Мы потеряли до 30-ти генералов. Чтоб атаковать курган, надобно жертвовать новыми войсками, ожидать новых потерь. И что ж будет, если захватим батарею? Получим в добычу еще одну горстку русских, и только! Нет, государь, — продолжал Бертье, — наша цель Москва! наша награда в Москве!» «Надобно беречь гвардию, — прибавил Бесьер, — вся надежда на гвардию. Она будет отвечать Франции за императора!» Эта достопамятная сцена — отрывок из великой мировой драмы — разыгрывалась на помосте, усеянном трупами, под павильоном ядер и гранат, при трескучем полете картечи. Все единогласно убеждали Наполеона уехать далее с этого опасного места, и всякий порывался скакать вперед для ближай-

шего осмотра позиции русских. Наполеон упрямылся. Но один из генералов взял под уздцы его лошадь и сказал: «Не здесь, государь, ваше место! Смотрите: русские нас заметили, на нас наводят пушки!» Наполеон дозволил себя увести, и тотчас после того картечь русская вспахала землю, на которой стоял император французов. Изменя место, Наполеон не изменил предположение и разъезжал по линии с своею думою.

Направляясь к Семеновскому, увидел он столпление резервов русских и массы, готовые двинуться вперед. Эти массы были войска (часть гвардии), посланные Кутузовым. Это была одна из двух попыток Кутузова действовать наступательно. Сперва послал он Уварова на левое крыло французов; потом (около 5-ти часов пополудни), заметив, что центр французской линии почти весь состоит из конницы, составил плотную массу пехоты, чтоб пробить эту жидкую линию и направил ее левым флангом на Семеновское. Но пехота наша не могла ни собраться, ни выйти довольно скоро, и французы, заметив новое приготовление, не дали созреть и совершить-

ся предприятию. Сорбье даже, как иные говорят, без приказа Наполеона открыл ужасный огонь.

Заиграли органы адских батарей; целыми колесистыми городами съезжаются они с разных мест, конная артиллерия скачет по полю, ядра с визгом бороздят и роют луг и долины, бомбы лопаются, и наши остановились на пути своем, пока наконец скрестили штык с штыком с колоннами наступавшего Нея. Наполеон однако ж дрогнул атаки русских на центр его и решился подвинуть вперед молодую гвардию. Вот лучшая похвала преднамерению Кутузова! Не его вина, что атаки (на левое крыло и центр французов) и военная хитрость на левом крыле нашем не достигли вполне своего назначения. Он приказывал — надобно было исполнить!.. Впрочем, две последние попытки не остались без плода в объективном смысле: та приостановила, эта изумила — и этого уже достаточно!

Другие рассказывают, что Сорбье не сам, а по повелению Наполеона начал ужасную пальбу по колоннам русским. Наполеон, говорят они, махнул рукой и... во весь дух при-

мчалась адская батарея, чтоб поддержать другие многочисленные, расставленные королем Неаполитанским. В подкрепление дивизии Фрияна подвинута, как мы сказали, другая — Ронье, из молодой гвардии, которой начальником был Мортье. В эту минуту выглянула и дивизия Клапареда из-за люнета, которым заслонялась. Она, как и некоторые другие, не раз падала на колени, не стерпя пальбы русской, направленной в уровень человека, другие войска французские по той же причине хоронились по оврагам и за парапетами завоеванных окопов, стоя на коленях. Чтоб дополнить хотя несколько не вполне рассказанное, обратимся опять к событиям, уже промелькнувшим под пером нашим.

«Русские, — говорит французский повествователь, — хотели выполнить сердечный обет, данный накануне перед св. иконою Богородицы, великий обет: „Положить свои головы за веру и отечество!“»

И вот ожили и пришли в движение в разных местах темневшие вдали массы! Быстро и отчаянно кинулись эти массы вперед и бегом понеслись чрез поле отбивать свои око-

пы. Новый бой взволновался с новым остервенением. Из-за большого люнета дивизии Жерара, Морана и Брусье с криком бросаются навстречу русским, перебегают овраг, которым прикрывались, и являются на противоположной высоте. Направо и налево от них 2-й и 3-й кавалерийские французские борются, как мы уже сказали, с 2-м и 3-м корпусами кавалерийскими русскими. Полки кавалергардские и конной гвардии выдерживают ужасный бой. Некоторые из французских карабинеров побиты или взяты в плен далеко за линиею русскою, куда они промчались, обезумев от запальчивости.

В центре, впереди дивизии Фрияна, 80 пушек гремят и останавливают высланные колонны русские. Остановились эти колонны и, терзаемые, разрушаемые с высоты захваченных у них окопов и с подвижных батарей, целые два часа простояли неподвижно под градом картечи, не имея возможности идти вперед, не желая отступить назад.

Кирасиры русские, сильно поддерживавшие свою пехоту, многократно на скакивали на артиллерию, конницу и пехоту француз-

скую и не раз въезжали на самые батареи, топчя канониров и рубя лошадей.

Шесть Михайлов[27] воевали на Бородинском поле, и вот один идет с решительным намерением перетянуть весы на свою сторону. Это Михаил Ней! Русские напрасно польстились на минуту надеждою остановить идущего добывать себе титул князя Московецкого. У него были корпуса генерала Монбрана, Нансути и Груши (более 120 эскадронов) и пехотные: свой и Жюно, при совокупном с ним действии вице-короля Италиянского. Ней вел тут почти целую армию! Несмотря на огонь батарей наших, эти многочисленные войска все подавались вперед. Тогда (минута ужасная!), оглася воздух страшным криком, все бывшие тут колонны русские двинулись скорым шагом вперед, неся ружье наперевес. Обе линии (можно сказать, обе армии) столкнулись, скрестили штыки и (я употреблю сильное сравнение), как сосуды хрустальные, расшиблись на мелкие части! Все смешалось и перепуталось, но никто не переставал драться! Конные, пешие, артиллеристы, люди разных вер и народов, схватывались

толпами, в одиночку, резались, боролись и дрались на смерть! [28]

На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам по славянству уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы дрались с подмосковною Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар! Пушки лопались от чрезвычайного разгорячения, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это было уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неумоимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновались по воздуху и пронизывали насквозь!.. Поле усеялось растерзанными трупами! И над этим полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, опламенялись красным огнем вулканов и ревели по стонущим окрестностям громадные батареи.

Более двух часов продолжалась эта неслыханная борьба мужества и смерти, борьба народов и России, и никто не знал, на чью сторону склонится победа. Но выгоды, сдавалось,

были на стороне французов: центральный люнет завоеван, почти все батареи русские захвачены и с высоты их неприятель громил передовые массы, посылая бомбы до самых резервов наших.

Вообразите рабочую храмину химика, представьте, как из двух фиалов сливает он в один сосуд две неприязненные влаги. Слитые вместе, они шипят, клокочут, вихрятся, пока, обе разложенные, цепенеют, испаряются, не оставя никаких почти следов за собою. Так слились в одну чашу гибели две силы, две армии, русская и французская, и, смею употребить выражение: разлагались химически, одна другую уничтожая.

Атаки русской кавалерии, атаки смелые и удачные, не раз приводили в замешательство батареи французские. Так, лейб-кирасиры вскакали на батареи дивизии Фрияна и положили в лоск несколько рот вольтижеров, защищавших пушки. Но в то же время каре 33-го полка, стрелявши почти в упор по коням наших всадников, устилало около себя место пронизанными людьми и конями. Другие кони расседланными табунами носились по по-

лю, обезумев от дыма и курения. Напротив, кони, обузданные артиллерийскою упряжью, представляли совсем другое зрелище. Обнаруживая разительным образом врожденный инстинкт, они, казалось, в полной мере понимали опасность своего положения. Понуриив голову и спустя ее к коленям, под громом и стуком сражения, они стояли смирно, почти неподвижно, по временам вздрагивая всем телом и едва передвигая ноги. Человек разведывался с человеком; они, бессловесные, были посторонние в этой распре существ, имевших дар слова; но с каким самоотвержением и в деле для них чуждом отдавались они своим поводам и следовали за движением руки, часто бросавшей их в самый разгар гибели и сечи!

Еще один налет русских на 30-пушечную батарею, влево от большой батареи, стоил им дорого. Смелые конники приняты с боку 11-м и 12-м полками егерей, которых привел генерал Пажоль, отражены и потеряли много.

Не раз король Неаполитанский пытался под грозою своей артиллерии произвести общую кавалерийскую атаку, но успеха не бы-

ло! Трупы, наваленные высокими грядами, не давали разбега коннице. Мертвые и умирающие останавливали успехи смерти! При всяком отражении русские оттесняли ряды и представляли живую толщу, неправильную видом, но крепкую мужеством, непроницаемую. Многие из русских сознавались, что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха! Лишь только отклонялась конница неприятеля, батареи его опять начинали бороздить воздух ядрами, напускать целые облака лопающих бомб и варить варом картечи великодушные толпы русских. Приросшие к полю, которое устилали они своими трупами, русские умирали там, где стояли. Треск был повсеместный. Везде брызгами разлеталось изломанное оружие. Некоторые из наших эскадронов, батальонов и даже полков, как бы затерянные в случайностях битвы, жившие одною только жизнью исступления, ничего не видали за дымом, не слыхали за шумом и грохотом. За-

бытые действительным миром, они были заброшены в какой-то особый мир ужасов, в какой-то вихорь разрушения, в царство смерти и гибели. С запекшеюся кровию в устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счет времени и все внешния отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться, — и дрались непрерывно, дрались отчаянно! Всадники и кони убитые, обрушаясь на живых, запутывали и подавляли их всею тяжестью своего падения! Живые домирали под мертвыми.

После этой долгой борьбы, в продолжение которой взят центральный люнет и содеялось много дел в разных пунктах линий, многие полки русские, полки центра и левого крыла — обедняли. Где было две тысячи, осталось две, три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и искалеченными телами защищали полковую святыню! Только 11 батальонов на правом крыле и 6 батарей у Псарева были еще не тронуты; но день вечерел, надлежало кончить это пятнадцатичасовое сражение. Огнедышащий Ней, как один из губительных смерчей Антильских[29], встретив

препятствие необоримое, сокрушившее все его напоры, наконец истощился... Наполеон не предпринимал уже ничего более. Тогда было шесть часов вечера. Атака, которой мы сделали очерк, принадлежала к эпохе вторичного завоевания люнета и продолжалась, конечно, два добрых часа. С 6-ти часов, за общим изнуром сражающихся, движения приостановились. Одни только пушки гремели и громили. Но русские, повторим это еще раз, были крепки в двух важных пунктах, за оврагом Горецким и на высотах Семеновских. Между тем полуосенний день уже вечерел. Часы уходили. Ночь более и более вступала в права свои. Солнце закатывалось красным шаром без лучей. В воздухе распространился какой-то кисловатый, уксусный запах, может быть, от большого разложения селитры и серы, может быть, и от испарений крови! Дым огустел и повис над полем. И в этой ночи, полускусственной, полуестественной, между рассеянных французских колонн, еще двигавшихся с барабанным боем и музыкою, еще развертывавших свои красные знамена, вдруг — и это было уже в последний раз —

прозвенела земля под копытами несущейся конницы. 20 000 сабель и палашей скрестились в разных местах поля. Искры сыпались, как от пожара, и угасали, как жизнь тысячей, погибавших в битве. Эта сеча, на минуту возобновленная, была последняя — последняя вспышка догоравшего пожара, затушенного кровью. Это король Неаполитанский бросился с своею кавалериею на линию русскую. Но дня уже не стало, и сражение затихло. Великий вопрос: «Кто победил?» остался неразрешенным.

БОРОДИНО ЧЕРЕЗ 52 ДНЯ ПОСЛЕ БИТВЫ

Наполеон оставил Москву. Войска его, разбитые под Малым Ярославцем, спешили захватить большую Смоленскую дорогу, и некоторые колонны взошли на нее близ Можайска. Наконец приблизились они к полю Бородинскому. Все было пусто и уныло около этого поля, жившего некогда страшною, огненною жизнью; теперь мертвого, оледенелого. Окрестные деревни сожжены; леса, обнаженные осенью и постояями войск, изредели; свинцовое небо висело над холмами полуубе-

ленными.

И в этом могильном запустении лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы!.. Это было кладбище без гробов! Тысячи раскиданы были без погребения.

Пятьдесят два дня лежали они добычею стихий и перемен воздушных. Редкий сохранил образ человека. Червь и тление не прикасались объятым стужею; но явились другие неприятели: волки стадами сбежались со всех лесов Смоленской губернии; хищные птицы слетелись со всех окольных полей, и часто хищники лесные спорили с воздушными за право терзать мертвецов. Птицы выклевывали глаза, волки оглаживали кости. В одном месте, к стороне Семеновских редантов, 20 000 тел лежали лоском в виде мостовой! Остовы лошадей, с обнаженными ребрами, искрошенное оружие, разбитые барабаны, каски, сумы, опрокинутые фуры без колес, колеса без осей, оледенелые пятна крови и примерзлые к земле, разноцветные лохмотья мундиров разных войск, разных народов: вот убранство поля Бородинского! Горецкие и Ше-

вардинские курганы и большой центральный люнет стояли, как запустелые башни, ужасными свидетелями ужасного разрушения. В сумерках вечерних и при бледном мерцании луны зрение обманывалось: казалось, что на вершинах оставленных батарей мелькали изредка образы человеческие. Это действительно были люди — мертвые, окостенелые! Захваченные стужею и прижатые грудями трупов к парапетам, они, мертвецы на страже мертвых, стояли прямо и мутными глазами глядели в поле... Ветер шевелил на них пестрые лохмотья одежд и придавал неподвижным вид какой-то мгновенной жизни, обманчивого движения. Но на этом поле смерти и уничтожения среди целого народа мертвецов был один живой! Сотни подобных ему несчастливцев, отстояв на берегах Стонца, пошли сетовать и умирать на берега Сетуни. Этот остался верным Бородинскому полю[30]. «Кто ты» — спросили французы, услышав близ большой дороги свой родной язык. «Я несчастный половинный человек, половинный мертвец! За восемь недель перед этим ранен я на великом побоище. Картечь раздро-

била мне обе ноги. Когда я пришел в себя, была уже ночь и никого не было в поле. Я ползал по берегам ручья, питаюсь травой, кореньями и сухарями, которые находил в сумах убитых. На ночь залезал я в остовы лошадей и прикладывал их свежее мясо к своим свежим ранам. Этот пластырь чудесно исцелял мои язвы! Свыкшись с остротою русского воздуха, я окреп и почувствовал в себе некоторую силу. Кровь не текла более из ран моих. Но я был один, один живой между тысячами мертвых. По ночам, правда, оживало это поле: какие-то странствующие огоньки блуждали по нем в разных направлениях. Это были баталионы волков, приходивших кормиться остатками баталионов наших. Я бил штыком о кремень, по временам сжигал понемногу пороху и тем отгонял от себя неприятелей. Да зачем им и добиваться меня! У них была богатая трапеза и без моих еще не остывших костей! Отчужденный от мира живого, от людей с теплою кровью, от движения гражданского, я наконец присмотрелся к своим неподвижным товарищам. Для них уже не существовало время, которое тяготело надо мною. С исхо-

дом каждого дня я клал по одному штыку солдатскому в приметное место, и вот уже их 50 с тех пор, как я здесь одиночествовую. Если ночью пугали меня волки, то днем радовало присутствие собак, из которых некоторые достаивали меня своими ласками, как будто узнавали во мне хозяина поля Бородинского. Эти стаи собак набегали из соседственных селений, но людей нигде не видно было!.. Иногда в тишине длинных, бесконечных русских ночей сдавалось мне, что где-то закипало сражение, сыпалась дробью перестрелка; какие-то звуки неясные, отдаленные, какие-то голоса мимолетные, глухой гул из России народов Европы».

Правительство озаботилось освободить поля русские от трупов, которые, без сомнения, удвоили бы заразу, если б их оставили до теплых весенних дней. И вот в одну ночь, в одну длинную морозную ночь небо над застывшим полем Бородинским окатилось красным заревом. Жители Валуева, Ратова, Беззубова, Рыкачева, Ельни и самого Бородина, предведомленные повесткою от земского суда, выползли из своих соломенных нор и, с длинными

ми шестами, топорами и вилами, отправились на поле Бородинское, где уже работали крестьяне окольных волостей.

Длинные ряды костров из сухого хвороста и смольчатых дров трещали на берегах Стонца, Огника и Колочи. Люди с почерневшими от копоти лицами, в грязных лохмотьях, с огромными крючьями, валили без разбора тела убиенных на эти огромные костры. И горели эти тела, и густые облака тучного белого дыма носились над полем Бородинским. На тех кострах горели кости уроженцев счастливых стран, Лангедока и Прованса, кости потомков древних французских рыцарей, старинных князей, новых графов и генералов новой империи французской, потомков древних феодалов, сильных баронов германских, кости гренадер, егерей и мушкетеров французских и железных людей Наполеоновых. И горели, прогорали и разрушались кости вооруженных орд двадцати народов нашествия! Горели кости людей, которых возврата на родину, в благовонные рощи Италии, на цветущие долины Андалузии, так нетерпеливо ожидали отцы и матери в великолепных замках и

невесты у брачного алтаря!

Вековые титулы, отличия, порода, знатность — все горело! И ужели не было существа, которое бы уронило слезу любви на эти кости врагов и соплеменников?

Но вот, под заревом пожара небывалого, при блеске костров, являются два лица на поле Бородинском. То была женщина, стройная, величавая, то был отшельник, облаченный в схиму. Оба в черных траурных одеждах. У нее блестит на груди крест, на нем везде видны символы смерти — изображения черепа и костей адамовых. Между костров огненных, по берегам молчащего Огника идут они, молчаливые, ночью, под бурю. Она с запасом своих слез; он с фиалом святой воды и кропильницею. И плачет и молится жена, и молится и кропляет водою жизни смиренный отшельник, живой мертвец, тех мертвецов безжизненных. И вот чьи слезы, чьи благословения, под ризою черной осенней ночи, под бурю, раздувающею костры, напутствуют в дальний, неизвестный путь тех потомков древних рыцарей, тех генералов и герцогов, тех великанов нашего времени, которые, по какому-то

непонятному, обаятельному действию исполнинской воли чародея, пришли с своими войсками, с своими колоннами, чтоб положить кости на русской земле и предать те кости на пищу русскому огню, и отдать пепел тех костей на рассеяние ветрам подмосковным. И тот отшельник, схимник соседственного монастыря, и та женщина, вдова генерала Тучкова, среди исполнителей обязанности общественной были единственными представителями любви, высокой христианской любви!

На одной из батарей Семеновских (на среднем реданте) Маргарита Тучкова, отказавшись от всех прав (а их так было много!) и притязаний на счастье мирское, сняв светлые одежды мирянки и надев черные монахини, построила храм Христу Спасителю и устроила общину, в которой живут и молятся смиренные инокини. Под сводом этого храма, на левой стороне, стоит памятник Александру Тучкову, и в нем сохраняется икона Божией Матери. С этою иконою был он во всех походах до Бородинского сражения, и во всех походах сопровождала его супруга, до смерти верная и по смерти с ним неразлучная!

И горели кости князей и герцогов и остатки эскадронов и обломки оружия с зари вечерней до утренней, и солнце застало поле Бородинское поседевшим от пепла костей человеческих.

Прошла зима. Теплые весенние дожди напоили окрестности Можайска, и высоко росли травы и прозябения на местах великого побоища. Поселяне говорили между собою: «Земля наша стала сыта!» А чиновники местной полиции, сверяя донесения сотских, сельских старост и волостных писарей, выводили валовый итог:

«1812-го года, декабря 3-го, всех человеческих и конских трупов на Бородинском поле сожжено: девяносто три тысячи девятьсот девяносто девять».

Конец

Примечания

Здесь: во главе. (Прим. ред.)

[^^^]

2

Основных сил французской армии.

[^^^]

3

Выражение Вальтера Скотта. (Здесь и далее прим. Ф. Глинки. Прим. ред. указаны.)

[^^^]

4

Они поехали, они поехали: они уж там! (фр.)

[^^^]

5

Вследствие которого гораздо позднее он предпринял и совершил огромное путешествие по Востоку: видел Иерусалим, проехал в Сирию и обозрел многие земли Оттоманской империи. Его сопровождали ученые и художники — для пользы наук и просвещения.

[^^^]

6

На большой (новой) Смоленской дороге построили две батареи: одну на самом кургане Горецком, другую в 200 саженьях впереди, на скате правого берега Колочи: эту — солдаты называли батареей Дохтурова.

[^^^]

Может быть, эта атака принадлежит не именно к этому периоду сражения; может быть, справедливее приурочить ее к тому часу, когда вице-король собирался (во 2-й раз) штурмовать большой люнет.

[^^^]

8

Смотри статью «Рекогносцировка».

[^^^]

См. кн. «Рассказ артиллериста о Бородинском деле».

[^^^]

В истории войны, соч. Михайловского-Данилевского, наша потеря показана 57 000 выбывших из строя.

[^^^]

И тем кончилось сражение Бородинское, данное с целью великого кровопускания, чтоб ослабить французскую армию. И эта цель достигнута.

[^^^]

12

Во время сражения под Смоленском на вопрос: «Где король Неаполитанский»? все пленные отвечали: «Il est a la tete de 40 000 chevaux!» [«Он во главе 40 000 всадников!» фр.]

[^^^]

По иностранному стилю 7-го сентября.

[^^^]

Канонада на левом фланге (против Бородина) начнется в ту минуту, как услышится канонада (против Семеновского) на правом фланге. (Слова из диспозиции Наполеона.)

[^^^]

Первое взятие реданта.

[^^^]

Второй бой за редант.

[^^^]

Третъе взятие реданта.

[^^^]

Четвертое взятие реданта.

[^^^]

Пятое взятие реданта.

[^^^]

Шестое взятие реданта.

[^^^]

Это выражение принадлежит нашему храброму ветерану и военноподданому писателю генералу Скобелеву.

[^^^]

Я представил это обстоятельство в таком виде, как об нем говорили в армии люди того времени.

[^^^]

Здесь: великолепным. (Прим. ред.)

[^^^]

Я не могу удержаться, чтоб не привести здесь подлинных слов одного старого солдата. «Под Бородиным (говорит он) мы сошлись и стали колотья. Кодемся час, кодемся два... устали, руки опустили! и мы и французы друг друга не трогаем, ходим как бараны! Которая-нибудь сторона отдохнет и ну опять колотья. Кодемся, кодемся, кодемся! Часа, почитай, три на одном месте кололись!»

[^^^]

В этом сражении убиты в Измайловском полку: поручик Саврасов, подпоручик Самсонов, и рядовых убито и ранено до 900 человек. Ранены: полковник Храповицкий, Козлянинов, Мусин-Пушкин; обер-офицеры: Мартынов (бывший комендант С.-П.-бурга), Круглов, Моглевицкий, Бахметьев, Быков 1-й, Аргамаков, Евреннов, Васьков, Кавелин, состоящий теперь при особе государя цесаревича, и много других.

[^^^]

Победитель непобедимого (лат.), (Прим. ред.)

[^^^]

Здесь, разумеется, говорится только о начальниках высших чинов. Эти Михайлы были: Кутузов (Михаила Ларионович), Барклай (Михаила Богданович), Милорадович (Михаила Андреевич), Воронцов (Михаила Семенович), Бороздин (Михаила Михайлович) и Михаил Ней.

[^^^]

Отчего в Бородине дрались так храбро? «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: хоть все беги, я буду стоять! хоть все сдайся, я умру, а не сдамся! Оттого все стояли и умирали!» (Слова рядового 1812 года.).

[^^^]

После Бородинского сражения много было толков о храбрости и намерениях Нея в Бородинском сражении. Он был один из главных делателей на этом поле смерти.

[^^^]

Многие раненые французы отправились с берегов Стонца, с Бородинского поля, чтоб умереть под Москвою, где речка Сетунь впадает в реку Москву. Вникая в события 1812 года, нельзя не заметить какого-то символического значения в самых именах мест и урочищ, бывших на виду в то время.

[^^^]